

ISSN 0202—151X

ЎЗБЕКИСТОНДА
ИЖТИМОЙ
ФАНЛАР

ОБЩЕСТВЕННЫЕ
НАУКИ
В УЗБЕКИСТАНЕ

1990

9

ЎЗБЕКИСТОН ССР ФАНЛАР АКАДЕМИЯСИ
АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР

ЎЗБЕКИСТОНДА
ИЖТИМОЙ
ФАНЛАР

Журнал 1957 йилдан чиқа бошлаган

1990

9

ОБЩЕСТВЕННЫЕ
НАУКИ
В УЗБЕКИСТАНЕ

Журнал издается с 1957 года

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Чл.-кор. АН СССР Э. Ю. ЮСУПОВ (*главный редактор*),
акад. АН УзССР А. А. АСКАРОВ (*зам. главного редактора*),
акад. АН УзССР Г. А. ПУГАЧЕНКОВА, акад. АН УзССР
М. М. ХАЙРУЛЛАЕВ (*зам. главного редактора*), чл.-кор.
АН УзССР П. Г. БУЛГАКОВ, чл.-кор. АН УзССР М. И. ИС-
КАНДЕРОВ, чл.-кор. АН УзССР Х. П. ПУЛАТОВ, чл.-кор.
АН УзССР Ж. Т. ТУЛЕНОВ (*зам. главного редактора*), док-
тор ист. наук З. Х. АРИФХАНОВА, доктор ист. наук
Ш. С. ЗИЯМОВ, доктор филол. наук Э. А. КАРИМОВ, док-
тор ист. наук Б. В. ЛУНИН, доктор экон. наук П. Х. НА-
СЫРОВ, доктор ист. наук Р. Я. РАДЖАПОВА, доктор юр.
наук Х. Р. РАХМАНКУЛОВ, доктор ист. наук Г. Р. РА-
ШИДОВ, доктор экон. наук Р. А. УБАЙДУЛЛАЕВА, док-
тор ист. наук А. У. УРУНБАЕВ, доктор экон. наук
К. А. ХАСАНДЖАНОВ, доктор филос. наук С. ШЕРМУХА-
МЕДОВ, доктор ист. наук А. М. ЮЛДАШЕВ, канд. ист. на-
ук Р. Х. СУЛЕЙМАНОВ, Б. И. КНОПОВ (*отв. секретарь*).

*Адрес редакции: 700047, Ташкент, ул. Гоголя, 70.
Телефоны: 32-73-29, 39-04-83.*

*Редактор И. Маркман
Технический редактор Р. Лушникова
Корректор Т. Кан*

Сдано в набор 12.10.90. Подписано к печати 16.11.90. Формат 70×108^{1/16}. Бумага типографская № 1.
Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 4,55. Уч.-изд. л. 5,5. Усл. кр.-отт. 4,76.
Тираж 947. Заказ 275. Цена 65 к.

Издательство «Фан» УзССР: Ташкент 700047, ул. Гоголя, 70.
Типография Издательства «Фан» УзССР: Ташкент 700170, проспект М. Горького, 79.

© Издательство «Фан» Узбекской ССР, 1990 г.

Н. Н. КИМ

О ХОЗЯЙСТВЕННОМ РАСЧЕТЕ В НАУКЕ

Глубокая перестройка экономических отношений в стране набирает силу. Меры, принятые по реализации экономической реформы, свидетельствуют о том, что административно-командная система шаг за шагом сдает свои позиции экономическим, хозрасчетным методам управления.

Не осталась в стороне и наука. Вот уже два года, в соответствии с постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О переводе научных организаций на полный хозрасчет и самофинансирование»¹, отраслевые и академические научные учреждения функционируют с широким использованием принципов самоокупаемости.

Хозрасчет и самоокупаемость предполагают оценку эффективности, соизмерение затрат и эффекта. Применительно к региональной науке хорошим подспорьем послужили «Методика оценки эффективности фундаментальных, прикладных, природоохранных исследований...», а также статья К. И. Лапкина, А. Х. Хикматова и М. М. Магрупова, опубликованные в «Общественных науках в Узбекистане» (1988, № 3).

В этих статьях четко сформулированы методические основы оценки эффективности фундаментальных и прикладных исследований, даны схема анализа ценности научных разработок и баллы для экспертной оценки результатов научных работ. Здесь мы попытаемся осветить некоторые теоретические аспекты хозяйственного расчета в науке, как специфика научного труда, стоимость и потребительная стоимость продукта (товара), «произведенного» научными учреждениями, способы соизмерения экономической эффективности достижений науки в агропромышленном комплексе республики.

Актуальность глубокого изучения вопросов хозрасчета обусловлена запросами практики. Прошло лишь немного времени с момента ввода хозрасчетных отношений в научные учреждения, но уже открыто высказываются антихозрасчетные настроения в их коллективах. Долг науки — раскрыть причины такого явления.

Хозяйственный расчет в науке — явление и новое, и не новое. Не новое с точки зрения совершившихся «проб и ошибок», компроматации и последующего полного игнорирования проблемы. Новое — поскольку в любых аспектах ее у нас нет еще конструктивного опыта, отсутствуют необходимые аналоги в отечественной практике, слабо разработана теория вопроса.

В указанном выше постановлении подчеркивается, что научные организации наряду с производственными предприятиями являются социалистическими товаропроизводителями, а их продукция: результаты научных исследований, проектные, конструкторские и технологические разработки — соответственно товаром. В этих условиях мате-

¹ Экономическая газета. 1987. № 42.

риальным источником функционирования научных организаций служит их хозрасчетный доход — средства, получаемые от реализации своей продукции, а также средства централизованных фондов министерств и ведомств, кредиты банков. В оплате труда научных работников предполагается ликвидация уравниловки, она должна определяться конечными результатами.

История развития отечественной науки показывает, что определенный задел в распространении хозрасчетных отношений на сферу деятельности научных организаций уже есть. С начала 70-х годов прослеживается устойчивая тенденция роста доли исследований и разработок на хоздоговорной основе. И даже в системе АН СССР, являющейся прежде всего средоточием фундаментальных исследований и в силу своего целевого назначения наименее связанной с текущими и локальными проблемами, доля хоздоговорной тематики в общем объеме работ с 1971 по 1985 г. возросла с 7 до 21 %.

Для обоснованного решения вопроса о товарно-денежных отношениях, обмене трудом между наукой и производством важное значение приобретает вопрос о сущности научного труда.

В чем же специфика научно-технической деятельности как отрасли или вида трудовой деятельности? Какие особенности научного труда позволяют использовать экономические категории применительно к сфере научно-технической деятельности? Какие моменты научного труда обуславливают специфику научного продукта при оценке его потребительной и меновой стоимости, перехода научных организаций на полный хозяйственный расчет?

Чтобы ответить на эти вопросы, надо найти единство и противоречие научного труда и производительного труда в сфере материального производства, определить субординацию научного труда во всеобщей форме труда.

Труд, указывал К. Маркс, независимо от его общественной формы, есть прежде всего процесс, совершающийся между человеком и природой, в котором человек своей деятельностью опосредует, регулирует и контролирует обмен веществ между собой и природой. В процессе труда человек использует механические, физические, химические, биологические свойства вещей, служащих средствами труда, для того, чтобы в соответствии со своей целью заставить их действовать в качестве орудия его власти. Процесс труда включает в себя как физическую, так и умственную деятельность. Физические силы человека непосредственно воздействуют на орудия и предмет труда. Назначение же интеллектуальных сил в процессе труда с самого начала состоит в опосредствующей деятельности, при помощи которой человек заставляет воздействовать одни предметы или свойства предметов на другие и тем самым осуществляет свою цель — приспособливает к своим потребностям силы и вещества природы путем их преобразования.

Процесс умственного труда, таким образом, обязательно предполагает познавательную деятельность человека. Эта деятельность имеет взаимоотношение с наукой. По существу практические знания и наука — есть две формы познавательной деятельности человека. Наука с этой точки зрения — вид трудовой деятельности, в процессе которой человек труда познает окружающий мир с целью его преобразования и использования для удовлетворения своих потребностей. Наука выступает как элемент человеческого труда. Она порождается практическими потребностями, удовлетворение которых, в свою очередь, представляет конечную цель.

Научный труд — составная часть общественного труда, специализирующаяся на познании и выработке методов использования свойств вещей, закономерностей развития общества и сил природы.

К. Маркс отмечал, что поскольку «участники совокупного труда

весьма различными способами принимают участие в непосредственном процессе производства товаров... — один больше работает руками, другой больше головой, один — как управляющий, инженер, технолог и т. д., другой — как надсмотрщик, третий — непосредственно как рабочий физического труда или просто подручный, — то все большее количество функций, способности к труду включается в непосредственное понятие производительного труда, их носители — в понятие «производительных работников»². К. Маркс подчеркивал, что «если понятие производительных и непроизводительных работников брать в более узком смысле, то производительным трудом будет всякий такой труд, который входит в производство товара (производство охватывает здесь все акты, через которые должен пройти товар от первичного производителя до потребителя), каким бы ни был труд — физическим или нефизическим (научным)»³.

Из этих положений следует, что научный труд в сфере прикладных научных исследований, проектно-конструкторских работ и технологических разработок становится функциональной частью производства и тем самым превращается в разновидность производительного труда.

В условиях товарно-денежных отношений продукт научного труда включает в себя потребительную стоимость и стоимость. Первая имеет способность удовлетворять потребности в новой научно-технической информации, не «изнашивающейся» в процессе потребления или «изнашивающейся» специфическим образом. Главные признаки потребительной стоимости научно-технической продукции — новизна, оригинальность, уникальность.

Определение и оценка потребительной стоимости научно-технической продукции при современном уровне развития экономической теории социализма — проблема более или менее решенная или разрешаемая. Сложнее дело обстоит с оценкой стоимости научно-технической продукции.

Научный труд как труд полезный и производительный проявляет свой характер в сфере материального производства и в конечном счете участвует в создании национального дохода общества. Следовательно, наука, техника, технология должны быть включены в систему социалистических производственных отношений. Поэтому к научно-технической продукции должны применяться такие экономические категории, как стоимость и цена.

На наш взгляд, независимо от того, где создается продукт науки — в сфере фундаментальных или прикладных исследований, — научно-техническая продукция должна оцениваться, исходя из действия закона стоимости, если существует прямая связь «наука — производство». Если же результат фундаментальных исследований потребляется в сфере прикладных или дальнейших фундаментальных исследований, то отношения должны строиться на хоздоговорной основе внутри сферы науки, техники, технологии.

Но при этом научно-техническая продукция, потребляемая сферой производства, должна оцениваться не только согласно закону стоимости, но и, исходя из данных характеристик научно-технической продукции, как влияние на рост производительности труда и улучшение качества продукции сферы материального производства. Это необходимо потому, что общество заинтересовано прежде всего в результатах конкретного труда исследователей и разработчиков, а с учетом эвристического характера научного труда затраты абстрактного труда должны оставаться вопросом конкретного исследователя или раз-

² Архив К. Маркса и Ф. Энгельса. Т. II. Кн. VII. С. 129—131.

³ Там же.

работчика, либо вопросом хозяйственной деятельности соответствующей научной организации.

Одним словом, научно-техническая продукция в сфере отношений науки и производства, в вопросе стоимости и цены должна определяться, исходя из закона стоимости, и в соответствии с иными ее характеристиками, таким, как потребительная стоимость данной научно-технической продукции, потенциал, экономический эффект, своевременность и соответствие мировому уровню развития науки, техники и технологии.

Учитывая все сказанное, остановимся теперь на проблемах оценки эффективности и хозрасчета в важнейшей сфере материального производства — АПК.

В последнее время агропромышленный комплекс стал самым заинтересованным в получении высоких результатов фундаментальных исследований. В технологическом применении он использует продукт научного труда в таких отраслях науки, техники, технологии, как агрохимия и почвоведение, генетика и селекция зооветеринария и защита растений, механизация, химизация и мелiorация, автоматизация, экономика и организация производства.

В Узбекской ССР только по линии Среднеазиатского отделения ВАСХНИЛ действуют два десятка научных организаций. Аграрной наукой занята также Академия наук республики. Однако, судя по многочисленным данным практики и научных публикаций, общее воздействие науки на практику АПК в республике пока еще слабое. Несмотря на постоянные укрепления материально-технической базы сельского хозяйства, возросший потенциал науки, качественные характеристики хлопководства и других отраслей остаются довольно низкими.

На общем годовичном собрании академиков и членов-корреспондентов САО ВАСХНИЛ 1989—1990 гг. отмечалось, что уже более двух десятилетий не претерпевает каких-либо позитивных изменений хлопкоуборочная машина, которая закупается сегодня Аргентиной и для доведения этой машины до уровня требований производства направляется на доработку в Японию. Урожайность хлопчатника, кукурузы и других культур в производственных подразделениях научных организаций, если не ниже, то не превышает среднереспубликанскую или среднерегionalную урожайность. Допускается волокита с внедрением имеющихся передовых достижений отечественной науки, техники, технологии. Слабо внедряются достижения микробиологической технологии в производстве кормовых белков, суспензии «хлореллы», различных биокатализаторов и т. д.

Интенсивный толчок в оживлении научных исследований и повышении ответственности за конечный результат может дать хозяйственный расчет на основе заказов-договоров потребителей научной продукции с НИИ. В сферу товарно-денежных отношений в условиях хозяйственного расчета целесообразно вовлекать в первую очередь те научные организации, которые создают или приводят научно-техническую продукцию к форме, пригодной для производственного потребления, разработки которых могут быть быстро реализованы в колхозно-совхозном производстве.

Другая важная проблема, вытекающая из хозрасчетных отношений, — каким образом определить конечные народнохозяйственные результаты научных организаций, как установить прямую зависимость между вкладом данной научной организации и развитием АПК.

В 1979 г. была разработана «Методика определения экономической эффективности использования в сельском хозяйстве результатов научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ, новой техники, изобретений и рационализаторских предложений», утвержденная Минсельхозом СССР. Она действует и поныне. В соответствии с этой «Методикой» определяются:

— предполагаемый эффект при планировании темы исследования, т. е. при заключении договоров;

— ожидаемый эффект, который рассчитывается при завершении производственной проверки научных исследований и выдаче производству научных рекомендаций.

— планируемый эффект, который рассчитывается при составлении планов внедрения научных рекомендаций;

— фактический эффект, рассчитываемый при составлении отчетов о внедрении научных рекомендаций.

Годовой экономический эффект по указанным вариантам определяется по экономии приведенных затрат и рассчитывается по формуле:

$$\mathcal{E} = (C_6 E_n \cdot K_6) - (C_n E_n \cdot K_n) \cdot A_n, \quad (1)$$

где: $\mathcal{E}$ — годовой экономический эффект, руб.;

C_6, C_n — себестоимость единицы продукции (работы) по базовому и новому вариантам, руб.;

K_6, K_n — удельные (в расчете на единицу продукции) капитальные вложения в базовом и новом вариантах, руб.;

E_n — нормативный коэффициент эффективности капитальных вложений, равный 0,15;

A_n — объем применения НИР и ОКР, новой техники, изобретений и рационализаторских предложений в расчетном году в натуральных единицах (га, голов скота и т. д.)

Хозрасчетный экономический эффект для отдельного хозяйства от использования результатов научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ и рационализаторских предложений исчисляется по экономии затрат труда и материально-технических средств, а также по увеличению выхода продукции и улучшению ее качества, выражающихся в конечном счете в приросте продукции, валового и чистого дохода (прибыли). Учитываются сопоставимость цен и качественные показатели, которые влияют на изменение закупочной цены продукции (жирность молока, категории мяса, качество шерсти и т. д.).

Хозрасчетный экономический эффект определяется по формуле:

$$\mathcal{E}_x = (C_6 - C_n) + (C_6 - C_n) \cdot A_n, \quad (2)$$

где: $\mathcal{E}_x$ — hozрасчетный экономический эффект, руб.;

C_6, C_n — себестоимость единицы продукта (работы) по сравниваемым вариантам, руб.;

C_6, C_n — закупочные цены единицы продукции (работы) по сравниваемым вариантам, руб.;

A_n — объем применения результатов НИР в планируемом (отчетном) году, в натуральных единицах (га, голов скота и т. д.).

В тех случаях, когда использование результатов НИР, новой техники и изобретений вызывает изменение только себестоимости, а капитальные вложения и качество продукции остаются без изменения, hozрасчетный экономический эффект определяют по разности (экономии) себестоимости, умноженной на объем произведенной продукции.

Указанная методика не идеальная. Вызывает сомнение оценка деятельности НИИ через приведенные затраты. Самое же главное состоит в том, что данные, полученные при производственных испытаниях и фактически на производстве, сильно разнятся.

К примеру, по данным производственных испытаний НПО «Союзхлопок», сев хлопчатника по гребням и грядкам дает экономический эффект 164 руб./га. Массовый учет фактической экономической эффективности этого приема в колхозах и совхозах Узбекистана показал, что в производственных условиях он реализуется лишь на одну треть, т. е.

дает дополнительный доход хозяйствам 49 руб./га. Или другой пример. Производственные испытания промышленной технологии содержания и кормления коров на молочных комплексах, разработанной УзНИИЖ, показали, что она способна дать эффект 123 руб. на одну корову; фактически же хозяйства сумели реализовать лишь 83 руб. Это противоречие приводит к осложнениям в оценке работы научных организаций и учреждений.

Нередко в хозяйствах хлопкового региона страны, судя по данным годовых отчетов, эффект от внедрения научно-технических достижений вообще не реализуется. Причем зачастую отсюда делается вывод о низком уровне сельскохозяйственной науки. С другой стороны, встречается и обратная крайность, когда отдельные институты и их научные подразделения рассчитывают эффект внедрения по показателям, полученным в лабораториях и на опытных полях, как правило, в идеальных условиях. В результате эффект от внедрения научных рекомендаций сильно завышается. Поэтому остро встала проблема объективной оценки результатов деятельности научных организаций, их вклада в развитие сельскохозяйственного производства.

В поиске объективной, простой и приемлемой на практике методики определения экономической эффективности внедрения научно-технических разработок в сельскохозяйственное производство обобщен и проанализирован материал по нескольким тысячам внедряемых рекомендаций. Они содержат сведения об эффективности НИР по материалам производственных испытаний и фактической отдаче непосредственно в совхозах и колхозах. Установлено, что соотношение расчетно-экспериментального и реального эффекта, рассчитываемых в соответствии с ранее приведенной «Методикой», колеблется в значительных пределах.

В связи с этим предлагаются специальные нормативы эффективности новых научных рекомендаций.

Здесь осуществлена попытка в некоторой степени освободиться от принципа определения экономического эффекта через приведенные затраты, значительно упрощен процесс расчета. В соответствии с этими положениями, годовой экономический эффект от использования в производстве результатов научных исследований и разработок следует определять двумя способами:

а) по разности чистых доходов в новом и базовом вариантах:

$$\mathcal{E}_r = \mathcal{C}_n - \mathcal{C}_0;$$

б) по экономии от снижения удельных затрат в новом варианте по сравнению с базовым:

$$\mathcal{E}_r = (C_n - C_0) Q,$$

где Q — годовой объем внедрения в натуральных величинах.

Чистый доход определяется как разность между стоимостью валовой продукции и ее себестоимостью (текущими производственными затратами) на единицу объема работ или объема внедрения:

$$\mathcal{C}_d = B_n - C.$$

Прирост чистого дохода (экономический эффект) определяется как разность чистых доходов, умноженная на годовой объем внедрения.

Предложения, выдвинутые по совершенствованию методов исчисления эффективности НИР, представляют собой поиск на базе прежней методики. Нужны дополнительные проработки принципов и методов определения экономической эффективности научно-технического прогресса, которые обеспечили бы единство интересов научных организаций и сельскохозяйственных предприятий, стали бы основой определения стоимости и цены научно-технической продукции в усло-

виях полного хозяйственного расчета и самофинансирования научных организаций.

Ныне научные организации АПК переводятся на полный хозрасчет и самофинансирование. Сейчас в них развернулась подготовительная работа. Определены принципы материального стимулирования, подготовлены отдельные нормативы, которые должны служить основой для определения издержек по производству научно-технической продукции и цены реализуемой продукции (товара).

Плановыми органами страны утверждены следующие временные нормативы рентабельности, распределения прибыли, отчислений от амортизации, фонда заработной платы, общие для научных организаций системы Госагропрома СССР на 1988—1990 гг.:

1. Норматив рентабельности, % к стоимости НИР — 20
2. Плата за основные производственные фонды, % от их стоимости — 1
3. Плата за трудовые ресурсы, руб. за каждого работающего — 200
4. Отчисления от расчетной прибыли в госбюджет, % — 2
5. Отчисления в фонды экономического стимулирования, % к остаточной прибыли:
  - фонд развития производства, науки и техники — 40
  - фонд материального поощрения — 40
  - фонд социального развития — 20
6. Отчисления от амортизации, предназначенной на полное восстановление основных фондов, в централизованный фонд развития производства, науки и техники, % — 10
7. Норматив общего фонда зарплаты, % к стоимости работ, выполняемых собственными силами — 44.

Указанная схема нормативов по существу совпадает со схемой, по которой на полный хозрасчет переводятся совхозы страны. Это подтверждает факт простого копирования хозрасчетных принципов, независимо от сферы его применения. Расчеты показывают, что теперь стоимость единицы объема работ, соответствующей товарной продукции научных учреждений, возрастает на 40%. Оправданы ли указанные нормативы для науки, каково их научное обоснование — проблема, требующая специального изучения. Но сам факт практического перевода на хозрасчет работников НИИ, повышения их материальной заинтересованности в конечной продукции вполне соответствует принципам социализма, способствует ускорению перестройки науки и общественного производства страны.

Хозяйственный расчет в науке в сфере АПК — явление новое, сложное и многогранное. Его проблемы могут иметь множество путей и вариантов решения. Научная разработка и обоснование хозяйственного расчета, направленного на стимулирование работы НИР и ускорение внедрения достижений научно-технического прогресса, требуют дальнейшего расширения исследований, экспериментальной проверки, широкого применения экономического метода управления наукой.

Л. Ш. САБИРОВА

РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ И ДИНАМИКА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЧЕЛОВЕКА И БИОСФЕРЫ

Современный период характеризуется быстрым развитием промышленности, транспорта, стремительным ростом городов, увеличением производства материальных благ. Научно-техническая револю-

ция вооружает людей все более мощными средствами воздействия на природу.

Деятельность человека по многим направлениям становится соизмеримой с глобальными масштабами естественных процессов природы. Так, использование кислорода транспортными средствами в ряде стран превышает фотосинтез его растениями на территории этих стран.

Вызывает опасения и загрязнение водных ресурсов планеты. В мировой океан ежегодно выбрасывается 500 км³ сточных вод, до 10 млн. т нефти и масса всяких отходов. А каждый кубический метр сточных вод загрязняет 40—60 м³ чистой воды. Между тем сброс их возрастает. Если положение кардинально не изменится, то через 50—70 лет для разбавления загрязнений, которые к тому времени будут выбрасываться в водоемы, потребуется не менее половины стока рек земного шара¹.

Ухудшение качества окружающей среды стало главной угрозой здоровью населения. Токсичные выбросы, попадающие в природную среду в процессе производственной и бытовой деятельности человека, содержит около 800 наименований вредных веществ, в том числе мутагены, влияющие на наследственность, канцерогены — на зарождение и развитие злокачественных новообразований и т. д.

Содержание их в воздухе крупных городов в 3—10 раз превышает предельно допустимые концентрации (ПДК), что может явиться причиной гибели растений и животных. По данным Международной ассоциации по охране природы, только за последние 60 лет на Земле исчезло 76 видов животных и несколько сот видов растительных организмов. На грани такого вымирания находятся еще 132 вида млекопитающих и 26 видов птиц. В связи с этим не только утрачивается ценнейший генетический фонд, но и расшатывается тончайший механизм равновесия в природе, обуславливающий существование самой жизни на Земле.

В арсенале природы имеются огромные возможности и многообразные способы самоочищения, но количество химических соединений, как результат промышленной деятельности человека, оказывается так велико (в 10—100 раз превышает их естественное поступление), что потенциальные возможности самовосстановления природной среды оказываются совершенно неадекватными происходящим в ней изменениям.

Большое беспокойство вызывает начавшееся изменение теплового режима атмосферы и земной поверхности, климата планеты в результате резкого увеличения масштабов использования ископаемого топлива, в связи с чем в атмосферу ежегодно попадает более 14 млрд. т CO₂.

Исследованиями установлено, что средняя концентрация углекислого газа в атмосфере постоянно увеличивается примерно на 3,4% в год, причем она претерпевает регулярные сезонные флуктуации, амплитуда которых составляет около 2% среднего значения и также несколько возрастает².

Четко обозначившиеся опасные тенденции мирового развития стали бесспорной угрозой, затрагивающей основы существования человечества. Все это требует качественно нового подхода к ведению диалога между человечеством и окружающей средой.

Нет оснований полагать, что эволюция биосферы окончена. И единственно приемлемым языком в общении с природой является язык благоразумия. Именно с этим связывал В. И. Вернадский постепен-

¹ См.: Федоров Е. К. Актуальные проблемы взаимодействия общества и природной среды // Коммунист. 1972. № 14. С. 10—18.

² См.: Исидоров В. А. Органическая химия атмосферы. Л., 1985.

ное превращение (эволюцию) биосферы в ноосферу, под которой понимал сферу влияния человеческого разума и его законов, новый этап разумного регулирования взаимоотношения общества и природы.

Многообразие практических проблем в решении этой задачи и острая потребность в комплексном подходе к ним способствовали появлению науки об охране природы. Она имеет многовековую историю.

Само понятие «охрана природы» возникло в конце XIX — начале XX в., но рассматривали ее преимущественно как биологическую проблему. Зоологи и ботаники разрабатывали ее научные основы. Была попытка обосновать их на базе географии. Особое значение при этом имело выявление закономерных связей между элементами природы, отмеченное впервые В. В. Докучаевым в конце XIX в. В своем труде «Учение о зонах природы» он писал, что ранее изучались главным образом отдельные тела, явления и стихии — вода, земля, а не их соотношения, не та генетическая, вековая и всегда закономерная связь, которая существует между силами, телами и явлениями.

Идея В. В. Докучаева о необходимости изучения закономерностей жизни природных комплексов получила дальнейшее развитие в учении В. Н. Сукачева о биогеоценозах, сущность которого — в установлении устойчивости и стабильности функционирования конкретных пространственно ограниченных частей биосферы, отделенных друг от друга климатическими и другими границами.

Фундаментальный вклад в теорию охраны природы внесло учение В. И. Вернадского о биосфере, представляющее собой замечательный пример вскрытия законов взаимосвязи и взаимообусловленности живой и неживой природы как неразрывного комплекса явлений³.

Основу учения В. И. Вернадского составляет понятие биосферы как целостной оболочки Земли, населенной жизнью и качественно преобразованной живым веществом планеты. По его утверждению, живое вещество Земли есть самая мощная сила в биосфере, материально и энергетически определяющая ее функция. В результате непрерывного обмена неживого, косного и живого вещества Земли изменяются как населяющие биосферу организмы, так и среда, в которой они живут. Горные породы, вода, воздух биосферы под воздействием живого вещества приобретают новые свойства. В. И. Вернадский писал, что на земной поверхности нет химической силы, более постоянно действующей, а потому и более могущественной по своим космическим последствиям, чем живые организмы, взятые в целом. В самом деле, живое вещество за сравнительно короткое время существования коренным образом, обновило состав атмосферы, природных вод, осадочных пород. Кислород атмосферы, почвенный покров, залежи угля, нефти и многое другое — прямой результат деятельности живых организмов. Не менее значительны и косвенные результаты деятельности живого вещества: озоновый экран, возникновение огромного количества органических соединений. Живой покров Земли в большой мере влияет на климат различных участков планеты, циркуляцию водных и воздушных масс, разрушение горных пород и т. д.

Вместе с тем живое вещество является лишь частью более сложного целого, может существовать только в целом, т. е. в биосфере.

Биосфера — это не только оболочка Земли, где существует жизнь, но и оболочка, созданная жизнью. Она непрерывна, и ни одна из составных ее частей не может быть от нее отделена без уничтожения единого целого. Постоянное взаимодействие всех структур биосферы и определяет ее организованность как устойчивой, равновесной, динамичной системы.

³ Вернадский В. И. Биосфера. М., 1967.

Формирование биосферы началось с появления живых организмов. Каждый шаг в эволюции жизни определял и развитие биосферы. В процессе эволюции за несколько миллиардов лет был отработан биотический круговорот вещества. Без этого бы жизнь на Земле остановилась.

В определенные, экологически специфические периоды сбалансированность биотического круговорота веществ нарушалась, и из круговорота «выводились» излишки, которые депонировались (откладывались) в виде нефти, каменного угля, газа, известняков и других минералов органического происхождения. Свидетельство тому — форма былых биосфер. При сжигании каменного угля в топках или нефти в моторах освобождается и используется солнечная энергия, запасаемая былыми биосферами сотни миллионов лет назад. Важно отметить, что эти депонированные в прошлом, выведенные из биотического круговорота «излишки» не засоряли биосферу и не оказывали вредного влияния на течение самого процесса.

Менялось количество живого вещества биосферы. Наметились тенденции в сторону нарастания биомассы, поскольку чем разнообразнее видовой состав, тем больше возможностей осваивать новые пригодные для жизни пространства и вещества Земли и вовлекать их в биотический круговорот.

Дальнейшее развитие биосферы предопределило появление на Земле человека. Длительное время воздействие его на биосферу было ничтожным. Человек, пока он был лишь одним из биологических видов, обитающих на Земле, подчинялся тем же законам, что и другие организмы. Как считает ряд ученых, положение резко изменилось 20—30 тыс. лет назад. Это было связано с тем, что в среднем палеолите возникла первая общественно-экономическая формация — первобытнообщинный строй.

Овладение огнем, совершенствование орудий охоты, переход от собирательства к земледелию и животноводству неуклонно придавали существованию человека на Земле иное значение.

С тех пор как человечество открыло огонь, оно стало дышать «испорченным» воздухом. Однако в условиях, когда людям приходилось бороться за существование, с голодом, дикими животными, «богами природы», бояться дыма не приходилось, и то, что он вреден для здоровья, вероятно, никого не волновало.

Человек все больше высвобождался из-под прямой зависимости от внешней среды и увеличивал воздействие на природу. Интенсивный выпас скота, распашка степей, вырубка и выжигание лесов повлекли за собой изменение коренного облика природы на больших площадях. Стало заметно не только сокращение численности животных, но и оскудение рек, нарастающее опустынивание больших территорий. «Ведь в природе ничто не совершается обособленно. Каждое явление действует на другое, и наоборот»⁴. Именно на необходимость познания законов, управляющих природными процессами и взаимосвязью явлений, указывал Ф. Энгельс, подчеркнувший, что «человеческие проекты не считающиеся с великими законами природы, наносят только бедствия»⁵.

Диалектика взаимодействия общества и природы такова, что, привлекая вещество природы для осуществления процесса производства, человек нарушает естественные связи, что, в свою очередь, порождает необходимость достижения оптимальности во взаимоотношении между обществом и природой.

Поэтому еще на заре цивилизации бытовали всевозможные «табу», запреты охоты и рыбной ловли в определенные периоды.

⁴ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 10.

⁵ Там же. Т. 31. С. 210.

Решающим в преодолении возникающих экологических диспропорций в ту пору явилось создание культурных растений и одомашнивание животных через управление эволюцией некоторых организмов.

При рабовладельческом строе неблагоприятное воздействие человека на окружающую среду возросло. Именно в тот период усилилась вырубка лесов, началось строительство различных ирригационных сооружений.

Наступление человека на природу увеличивалось в эпоху феодализма. Когда дрова в начале средних веков уступили место углю, проблема загрязнения воздуха стала принимать видимые очертания. Затем, в ходе промышленной революции, усилился процесс хищнического истребления природных ресурсов, углем стали отапливаться дома, на угле заработали промышленные предприятия и электростанции. Развивалась химическая промышленность, в связи с чем в атмосферу стали выбрасываться ранее неизвестные природе вещества.

Влияние на биосферу появляющихся по мере развития человеческого общества различного рода искусственных объектов, созданных и используемых человеком, стремительно возрастает.

В результате возникают новые взаимосвязи человеческого общества с природой, принципиально отличные от прежних тем, что они постепенно, неминуемо приводят к расшатыванию механизма биологического равновесия.

В этой связи еще Ф. Энгельс выделял последствия двойного влияния общественного производства на природу: во-первых, связанные с *возможным ухудшением* состояния природной среды из-за бесхозяйственного и нерационального ее использования; во-вторых, — приводящие к определенным социальным изменениям⁶.

До начала научно-технической революции экономическая и экологическая система, развиваясь параллельно и взаимодействуя, не создавали проблемных ситуаций для прогресса человеческого общества; экономическая деятельность людей в основном органически вплеталась в экологические процессы. Отдельные экономические эксцессы, связанные с определенным влиянием производственной деятельности на окружающую природную среду, носили локальный характер. Ситуация резко изменилась, когда в науке и технике, в использовании их достижений произошел скачок, приведший к НТП. Наука вложила в руки человечества мощные инструменты воздействия на природу и человечество не замедлило воспользоваться ими. Изъятие вещества природы для производственных и непроизводственных целей и загрязнение природной среды стали развиваться нарастающими темпами.

Специалистами подсчитано, что только за XIX в. человечество извлекло из недр Земли и освободило от естественных связей 22 711 тыс. т свинца, 11 373 тыс. т цинка, 10 679 тыс. т серебра, 11,5 тыс. т золота, 27,5 тыс. т алюминия и т. д.

Появились симптомы нарушения экологического равновесия. Природа, как замкнутая система, уже не справляется с полной регенерацией извлекаемого из нее вещества, с самоочищением, что порождает ряд острых противоречий, разрешение которых является одной из первоочередных задач современности. В капиталистических странах она приобрела значение социальной и культурной проблемы, которая вновь возродила реакционную теорию «убывающего плодородия почвы», мрачные предсказания гибели человечества.

Зарубежными учеными предлагаются различные пути и способы предотвращения грозящей человечеству экологической катастро-

⁶ Там же. Т. 20. С. 496, 497.

фы. В основном эти концепции сводятся либо к необходимости введения «пределов роста» в промышленности, либо к сокращению объема потребления трудящихся путем ограничения роста их численности.

Весьма остро стоят экологические проблемы в СССР. Наличие общественной социалистической собственности, долгое время составляющей гордость нашего строя, автоматически не оптимизирует взаимоотношения общества с природной средой. Необходим механизм реализации этой собственности, позволяющий согласовать экологические, экономические и социальные интересы общества, коллективов предприятий и отдельных личностей, разрешать противоречия между ними. Такой механизм пока не найден.

Несмотря на ряд крупных исследований, рекомендаций в этой области, проблема развития общества и его взаимоотношений с окружающей природной средой остается нерешенной и по сей день. Растет количество всякого рода не утилизуемых отходов. Нередко грубо нарушаются правила водо- и лесопользования, добычи природных ископаемых. Ухудшается состояние почв на больших площадях. Кризисная ситуация сложилась в зоне Арала. Многие хозяйственные объекты эксплуатируются без принятия действенных мер к защите окружающей среды и здоровья людей.

Огромную тревогу в связи с загрязнением окружающей среды вызывает нарастающая ослабленность здоровья наших людей. Беспристрастная статистика свидетельствует о том, что население страны последние десятилетия полным ходом двигалось навстречу «генетической катастрофе»⁷.

Так, из 287 млн. жителей СССР (на начало 1989 г.) более половины — примерно 146—152 млн. ослабленных и 135—141 млн. относительно здоровых. (Советская медицина условно делит людей на 5 групп: I группа — здоровые; группы II, III, IV — переход между здоровыми и больными, начиная от предрасположенных к заболеваниям из-за скрытых дефектов организма и кончая по существу больными; V группа — хронически больные и физически неполноценные. Группы населения со II по IV образуют ослабленное население, а V группа — так называемое маргинальное, с наиболее плохим состоянием здоровья). Динамика долей ослабленного и маргинального населения — мерило достижений или, наоборот, упущений в общей социально-экономической стратегии и тактике администрации страны.

По грубо приближенным оценкам, хронически больные и физически неполноценные люди составляют свыше трети ослабленных — около 50 млн. жителей. По официальным данным Минздрава СССР и Госкомитета по народному образованию, доля ослабленных среди школьников составляет 53%, т. е. примерно 23 млн. из 44 млн. учащихся общеобразовательных школ. Здесь не учитываются психически и физически ненормальные дети, которые не учатся в этих школах. Их доля составляет 5—8% всех детей. Это означает, что из всех детей, рожденных у нас в 70 и 80-е годы, примерно 40% оказались относительно здоровыми и около 60% ослабленными. Маргинальные дети составляют свыше 1/3 ослабленных, т. е. свыше 20% всех рожденных. Среди детей, рожденных на рубеже 80-х годов, доля ослабленных возрастает, по имеющимся оценкам, примерно до 3/4, доля маргиналов — примерно до 25%. Если брать абсолютные цифры, то у нас на конец 1988 г. было около 117 млн. детей и молодежи в возрасте до 24 лет, из них примерно 70—90 млн. ослабленных, в том числе около 25—30 млн. маргиналов. Значительную часть детей-маргиналов составляют олигофрены.

Демографические пропорции среди детей через одно-два десяти-

⁷ Искаков В. И. Болевые точки Москвы // Энергетика. 1990. № 2. С. 19—23.

летия естественно становятся пропорциями всего населения. Если ослабленной становится преобладающая часть населения, с передачей патологических свойств следующим поколениям, то это означает опасность постепенного социально-генетического перерождения исторически здорового народа в ослабленный народ — мутант.

Среди ряда причин, предрасполагающих к столь безрадостному прогнозу, наряду с загрязнением воздуха основной является биохимическая отравленность питания, воды. Так, по имеющимся оценкам содержания нитратов, нитритов, пестицидов в продуктах растениеводства и животноводства, мы потребляем примерно 10—12, порой до 15 доз этих веществ, принятых за ПДК в Швеции. Шведское ПДК по нитратам составляет около 50 мг в сутки на человека, а мы потребляем с картофелем, овощами, бахчевыми, фруктами, поставляемыми Госагропромом СССР и Минторгом СССР при попустительстве Минздрава СССР, примерно 500—600 мг/чел. сутки.

Сложившаяся в стране ситуация требует принятия действенных мер. Отсюда особая актуальность безотлагательного поиска путей достижения оптимальности в системе «человек — биосфера». Поэтому назрела необходимость комплексного изучения этой проблемы по стране в целом, союзным республикам, экономическим районам, конкретным отраслям производства с участием ученых и специалистов самого широкого профиля, государственных органов и общественных организаций на базе научно разработанной программы с принятием действенных практических решений и реализацией на деле, в полной мере всех норм нашего законодательства об охране окружающей среды и здоровья советских людей.

Дискуссионная трибуна

Э. А. АЛИКУЛОВ

О СОБСТВЕННОСТИ В УЗБЕКСКОЙ ССР

Узбекская ССР находится на ответственном этапе своего развития. Опубликован и обсуждается проект Закона Узбекской ССР «О собственности в Узбекской ССР»¹.

Для перспектив дальнейшего развития республики, ее социально-экономического строя огромное значение будут иметь содержание принимаемого Закона, его соответствие объективным реалиям и потребностям общественной жизни. Здесь сразу же следует особо подчеркнуть, что проект его по своей структуре и основному содержанию очень похож на Закон Союза ССР «О собственности в СССР», фактически представляет собой его республиканский вариант и, соответственно, повторяет все присущие ему плюсы и минусы.

Конечно, Закон СССР «О собственности в СССР», его основные положения должны лежать в основе Закона республики. Однако надо ли копировать его в целом, включая и его серьезные недостатки? К тому же Закон СССР «О собственности в СССР» из-за своих недостатков до сих пор плохо действует, точнее бездействует, и не отвечает в полной мере сегодняшним требованиям жизни.

Важнейший недостаток и Закона СССР «О собственности в СССР», и проекта Закона Узбекской ССР «О собственности в Узбекской ССР» состоит в том, что в них ничего не говорится об отношениях присвоения и собственности.

Известно, что само общество, отношения присвоения являются корнем собственности, основанных на ней законов. В отношениях присвоения материальных благ, отношениях собственности реализуется и функционирует любая форма собственности. Любая форма собственности непосредственно связана прежде всего не с правом собственности, а с отношениями присвоения и собственности, с них берет свое начало, в них и развивается. Поэтому Закон о собственности как узаконение субъектов и форм присвоения, отношений форм, субъектов и права собственности должен адекватно отразить их.

В этой связи следует напомнить, что даже древнеримскому частному праву — частному праву абстрактной личности, частному праву в его классическом выражении — было присуще «определение тех отношений, которые являются абстрактными отношениями частной собственности»².

Таким образом, надо уделять особое внимание взаимосвязи между отношениями собственности и собственностью, с одной стороны, и правом, — с другой. Нельзя игнорировать «связи права с действи-

¹ Правда Востока. 1990. 13 июля; Совет Узбекистана. 1990. 18 июля.

² Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. I. С. 347.

тельными людьми и их отношениями», нельзя отрицать «зависимость права от производственных отношений»³.

Следовательно, в Законе должны отражаться прежде всего отношения присвоения и собственности, они «должны выражаться также в качестве правовых и политических отношений»⁴.

Основываясь на таком методологическом подходе, мы считаем, что первый раздел Закона «О собственности в Узбекской ССР», посвященный исходным общим положениям, должен содержать следующие статьи: О главной причине образования собственности; О субъектах и способах (формах) присвоения материальных благ; О собственности; О праве собственности; О соотношении собственности и права собственности.

Специальный раздел Закона (например, второй раздел) под названием «Субъекты, сущность, объекты, виды и формы социального присвоения материальных благ» должен быть выделен для раскрытия важнейших сторон социалистического способа присвоения материальных благ.

В одном (третьем) разделе целесообразно дать все статьи, отражающие виды, формы и субъекты собственности.

Как в Законе «О собственности в СССР», так и в проекте Закона УзССР «О собственности в Узбекской ССР» есть три раздела, посвященных трем основным видам социалистической собственности: раздел II. Собственность граждан; раздел III. Коллективная собственность; раздел IV. Государственная собственность.

Сразу же бросается в глаза, что собственность граждан сведена лишь к их личной, лично-семейной собственности, включая и личные предприятия, хозяйства.

Возникает вопрос: а коллективная собственность? Государственная собственность? Не являются ли они разными видами собственности граждан, их коллективной и общей собственностью?

По нашему мнению, приведенная дифференциация видов собственности при социализме не выражает сущность, внутреннюю и логическую взаимосвязь трех важнейших видов собственности членов общества, граждан республики, искусственно разрывает и фактически противопоставляет различные виды их собственности. Ничего не сказано об общей собственности граждан, а вместо этого говорится о государственной собственности. Это фактически узаконивает чрезмерное огосударствление народной собственности и отчужденность от нее граждан — членов общества.

Нам надо преодолеть чрезмерное огосударствление народной собственности, подмену социализации основных средств производства их огосударствлением, подавление демократических форм экономической жизни. Этого можно достигнуть прежде всего путем превращения государственной собственности в народную и народно-коллективную собственность. При этом следует руководствоваться Программным Заявлением XXVIII съезда КПСС «К гуманному, демократическому социализму». В нем говорится: «Государственную собственность (общесоюзную, республиканскую, коммунальную) преобразовать из казенно-бюрократической в общественную собственность, управляемую самими трудящимися на основе действующего законодательства»⁵.

Основываясь на этом положении, надо добиваться преобразования государственной собственности Узбекской ССР в собственность общества (народа), государственных предприятий, хозяйств — в народно-коллективные предприятия, хозяйства, непосредственно управляемые

³ Там же. Т. 3. С. 317, 360.

⁴ Там же. С. 360.

⁵ Правда. 1990. 15 июля. С. 3.

самими трудящимися. Только так можно не на словах, а на деле, и де-юре, и де-факто, превратить граждан республики в реальных субъектов, действительных собственников народной собственности.

Все это говорит о том, что проект Закона «О собственности в Узбекской ССР» (особенно I, II и IV разделы) нуждаются в тщательной переработке. Надо внести в проект и структурные изменения.

Представляется, что основные виды социалистической собственности в Узбекской ССР надо трактовать и дать следующим образом:

1. Собственность общества (народа) и ее формы;
2. Коллективная (ширкатная) собственность и ее формы;
3. Личная, лично-семейная собственность и ее формы.

Эти три вида собственности членов общества, граждан республики тесно взаимосвязаны и взаимообусловлены.

Определенная часть собственности общества (народа) неизбежно будет находиться во владении, пользовании и распоряжении государственных органов власти и управления. Однако ее подавляющая часть должна находиться в руках народа, относительно обособленных трудовых коллективов, стать народно-коллективной собственностью, а трудовой коллектив народного предприятия должен стать субъектом, владельцем — хозяином народно-коллективного предприятия. И это следует отразить в Законе «О собственности в Узбекской ССР». Соответственно коренным образом надо пересмотреть право собственности, в полной мере демократизировать управление народной и народно-коллективной собственностью. Этого требует и переход к рыночной экономике.

Как в Законе «О собственности в СССР», так и в проекте Закона «О собственности в Узбекской ССР» «не повезло» праву собственности. Хотя в обоих документах господствует чисто юридический подход к вопросам собственности, о праве собственности в них говорится лишь в общих чертах и не достигнуто его полное раскрытие.

И в Законе СССР, и в проекте Закона Узбекской ССР есть одно очень важное положение. В них о собственнике имущества говорится: «Он может использовать имущество для осуществления любой хозяйственной или иной деятельности, не запрещенной законом». Однако это положение не раскрывается в полной мере применительно к разным субъектам и формам собственности.

В Законе о собственности после разделов, посвященных общим положениям, субъектам и формам присвоения, а также видам, формам и субъектам собственности, должен быть специальный (четвертый) раздел о праве собственности. В нем надо дать не только общее определение права собственности, но и все его аспекты применительно к разным формам и субъектам собственности, в том числе право самостоятельного хозяйствования субъектов собственности, право управлять собственностью и хозяйством. Это очень важно для нормального и эффективного функционирования всех форм и субъектов собственности.

И в Законе «О собственности в СССР», и в проекте Закона «О собственности в Узбекской ССР» недостаточное внимание уделяется собственности народа автономной республики. Собственности народа автономной республики, в нашей республике — собственности народа Каракалпакской АССР — надо посвятить специальный (V) раздел и полнее учитывать мнение данного народа.

Проект Закона Узбекской ССР «О собственности в Узбекской ССР» имеет и некоторые свои особенности, и только ему присущие недостатки.

Так, в проекте, в отличие от союзного Закона, есть преамбула. Это хорошо, но все дело в том, что в ней записать.

Преамбула проекта начинается словами: «Собственность в Уз-

бекской ССР неприкосновенна». Это напоминает первые законодательные акты и конституции Великой французской революции. Именно в них были декларированы понятия «всякая собственность неприкосновенна», «неприкосновенность собственности». Однако и тогда эти понятия не всегда выдвигались на первый план.

На наш взгляд, положение: «Собственность в Узбекской ССР неприкосновенна» — должно быть записано не в преамбуле, а после видов и форм собственности, еще правильнее — в разделе о праве собственности.

Далее в преамбуле сказано: «В Узбекской ССР допускается существование любых форм собственности». Что понимать под этими словами? Представляется, что это положение слишком расплывчато и в нем нет конкретного указания на господствующий способ (форму) присвоения в Узбекской ССР.

Говорить о собственности вообще, без конкретного указания на виды и формы собственности — стиль и метод буржуазных юристов и законодателей. Конечно, говоря о собственности вообще, о любой форме собственности, буржуазные конституции и законодательные акты подразумевают под этими словами частную собственность и разные ее формы, буржуазную частную собственность.

А что понимается под словами «допускается существование любых форм собственности» в преамбуле проекта Закона Узбекской ССР? Невольно думаешь, что авторам этого положения, видимо, безразлично, какие формы собственности в Узбекской ССР будут господствовать — общественная или частная, социалистическая или капиталистическая, или и та, и другая?

В преамбуле Закона не должно быть расплывчатых выражений. Думается, что в ней надо четко записать: «В Узбекской ССР господствует социалистический способ присвоения материальных благ — присвоение обществом (народом) и его членами; социально-экономическому строю республики присуще многообразие (многоформность и многосубъектность) социалистической собственности».

В преамбуле проекта утверждается: «Отношения собственности регулируются Конституцией Узбекской ССР, настоящим законом, другими законодательными актами республики, издаваемыми в их развитие».

На наш взгляд, правильнее было бы указать: «Отношения собственности регулируются непосредственно обществом, народом (народами) Узбекской ССР, от его имени — полномочными высшими органами, прежде всего Верховным Советом народных депутатов, посредством Конституции республики, настоящего Закона и других законодательных актов, издаваемых в их развитие».

В проекте Закона «О собственности в Узбекской ССР» есть отдельные пункты и положения, представляющие собой ухудшенный вариант положений аналогичного Закона СССР.

Так, в Законе СССР к объектам собственности не отнесена рабочая сила человека, а в проекте Закона Узбекской ССР, в 1-м пункте второй статьи, сказано, что «к объектам собственности относится... способность человека к производительному и творческому труду».

Другой пример. В Законе СССР, в 1-м пункте шестой статьи, записано: «Гражданину принадлежит исключительное право распоряжаться своими способностями к производительному и творческому труду». А в проекте Закона Узбекской ССР, в 1-м пункте статьи седьмой, утверждается: «Гражданину принадлежит исключительное право собственности на свои способности к труду — рабочую силу».

Вопрос о собственности на рабочую силу при социализме обсуждался давно и долго и большинство ученых пришло к выводу, что вопрос этот надуманный.

Дело в том, что рабочая сила человека — его физические и духовные способности — является естественным и социальным свойством личности и не может быть объектом присвоения между людьми, если человек является свободным субъектом, собственником — хозяином средств производства. Лишь в обществах, где господствует частное присвоение материальных благ, существуют частные собственники и несобственники (неимущие, лишенные средств производства), рабочая сила является объектом присвоения между людьми и собственностью неимущего. Что касается собственников средств производства, то никогда не возникал вопрос о присвоении их рабочей силы. В условиях общества трудящихся, когда они являются общественно объединенными собственниками-тружениками, нет отношения по присвоению их рабочей силы. Люди распоряжаются своей рабочей силой не как собственностью, а как своей естественной и социальной способностью и не получают плату за рабочую силу, а зарабатывают доходы, т. е. получают их по труду, «по работе каждого».

Думается, что из текста 1-го пункта второй статьи проекта следует исключить последние слова «способность человека к производительному и творческому труду». Текст же последнего абзаца 1-го пункта седьмой статьи проекта надо заменить словами: «Гражданин республики исключительно свободно распоряжается своими способностями к производительному и творческому труду как присущими ему природными и социальными свойствами».

Представляет интерес еще одно сопоставление. В Законе «О собственности в СССР», в 6-м пункте статьи первой, говорится: «Использование любой формы собственности должно исключать отчуждение работника от средств производства и эксплуатацию человека человеком». Это положение в проекте Закона Узбекской ССР, в 6-м пункте первой статьи, дано в следующей редакции: «Использование любой формы собственности не должно носить эксплуататорский характер». Как видим, данное положение не включает в себя слова «исключать отчуждение работника от средств производства» и лишь формально говорит о недопустимости эксплуатации.

К тому же между этим формальным запретом и статьей девятой (о частной собственности) есть явное противоречие: в статье девятой сказано: «При реализации права частной собственности допускается применение труда по найму».

Таким образом, проект фактически допускает отчуждение части работников от средств производства, превращение их в неимущих и наемных работников, эксплуатацию человека человеком. На наш взгляд, это неприемлемо для социалистического общества.

Полагаем, что текст 6-го пункта первой статьи проекта Закона «О собственности в Узбекской ССР» надо заменить текстом 6-го пункта первой статьи Закона СССР «О собственности в СССР». А девятую статью проекта, по которой «допускается применение труда по найму», — вообще исключить из проекта. Тем более, что в ней допущена серьезная ошибка методологического характера.

В указанной статье проекта утверждается: «Частная собственность представляет собой право частного владения, пользования и распоряжения средствами производства в целях извлечения дохода. Ясно видно, что частная собственность трактуется здесь как право, отождествляется с правом собственности, что совершенно неверно. Удивительно то, что определение, данное частной собственности в девятой статье проекта Закона, почти точно повторяет определения собственности, данные в первых буржуазных законодательных актах и конституциях. Для сравнения приведем некоторые из них.

Например, в «Декларации прав человека и гражданина», объявленной Великой французской революцией, утверждалось: «Собствен-

ность есть право неприкосновенное и священное», а в Конституции Французской республики от 22 августа 1795 г. также сказано: «Правом человека в обществе является ...собственность»; «Собственность является правом пользоваться и распоряжаться своим достоянием, своими доходами, плодами своего труда и своего мастерства».

Как видно, наша юриспруденция, наши специалисты до сих пор в ряде случаев не различают собственности и право собственности, и в этом отношении недалеко ушли от буржуазных законодателей XVIII в.

Между тем давно уже доказано, что нельзя отождествлять собственность и право собственности. В любом обществе любая форма собственности имеет конкретную форму и реальное существование. Любая внешняя материальная вещь (земля, леса, воды, недра, орудия труда, завод, фабрика, произведенный продукт, товар и т. п.) может стать частной собственностью человека, если она является объектом частного присвоения. Она имеет реальное существование независимо от права. Поэтому даже в древнеримском частном праве собственность «берется как факт, как необъяснимый факт, а не как право»⁶.

Классики марксизма подчеркивают, что вещь «становится вещью, действительной собственностью, только в процессе обмена и независимо от права»⁷. А с возникновением той или иной формы собственности возникает и право собственности.

В любом обществе любая форма собственности существует реально и имеет качественную и количественную определенность. Говоря словами К. Маркса, «собственность существует всегда в определенных границах, которые не только определены, но уже определены, не только измеримы, но уже измерены». Лишь на базе имеющей качественную и количественную определенность формы собственности возникает право собственности, а затем происходит узаконение формы и права собственности в юридическом законе.

В таком важном документе, как Закон о собственности, нельзя допускать ее отождествления с правом собственности. Следует говорить сперва о самой собственности и ее формах, а затем — о праве собственности, а также об их взаимодействии.

Заслуживает особого внимания и анализа вопрос о необходимости частной собственности при социализме.

В сегодняшних трудных экономических условиях очень часто говорят о необходимости частной собственности. А в проекте Закона «О собственности в Узбекской ССР», как уже сказано, есть специальная (девятая) статья о частной собственности и наемном труде.

Прежде всего следует сказать, что, выступая за введение частной собственности, сторонники этого требования не знают даже ее сущности и отличия от личной собственности.

Например, говорят: если человек обладает предметами личного потребления, то они — его личная собственность, если же человек обладает средствами производства, то они — его частная собственность.

Данная трактовка личной и частной собственности — не научная, не обоснованная трактовка, а результат поверхностного, весьма упрощенного подхода к личной и частной собственности. Она сформировалась в годы сплошного огосударствления средств производства и долгие годы проповедовалась экономической наукой, ставшей тогда служанкой экономической политики, тоталитарного государства. Ее придерживаются многие ученые и сейчас.

Но здесь надо внести ясность: личная собственность является таковой не потому, что она состоит из предметов личного потребления, а потому, что она является собственностью отдельной личности и при-

⁶ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 1. С. 347.

⁷ Там же. Т. 3. С. 64.

надлежит ей. По своему составу она может состоять как из предметов личного потребления, так и из средств производства, необходимых для производственной деятельности. Это подтверждается и наличием, например, в личном подсобном хозяйстве граждан многих средств производства. А теперь члены общества, отдельные граждане могут иметь мелкие производственные предприятия, цеха, крестьянские хозяйства.

Пора уже преодолеть устаревшие представления о личной собственности и объяснять ее по-новому, как вид социалистической собственности, включающей в себя и средства производства.

Бытует у нас и еще одно очень серьезное заблуждение. Зачастую говорят, что любой отдельный человек — это частное лицо, и если он обладает средствами производства, то он частный собственник, а его средства производства — частная собственность. При этом полностью игнорируются все другие социально-экономические условия (наличие общенародной собственности, народной власти и т. п.), которые определяюще влияют на социальное качество человека в советском обществе.

Собственность отдельного человека, состоящая из средств производства, по своему существу может быть или частной собственностью частного человека, или просто личной собственностью общественно объединенного человека. Это зависит от того, в каком обществе живет человек.

Настоящая частная собственность и настоящий частный собственник в их классическом и научном понимании существуют лишь в тех обществах, где с самого начала люди разрознены, каждый в отдельности, в отрыве от других присваивают средства производства, само общество базируется на частной собственности экономически разъединенных и связанных между собой только через рынок частных лиц и групп.

Частная собственность может быть и в условиях перехода от капитализма к социализму, т. е. в переходном состоянии экономики. В условиях же социализма то, что члены общества являются собственниками земли, важнейших средств производства, означает, что основные средства производства принадлежат «общественно объединенным» людям, которые живут и производят «в качестве общественно объединенных» людей (К. Маркс). Каждый член общества — общественно объединенный и в то же время свободный, самостоятельный человек, имеющий и личную собственность.

На базе заработанных, трудовых доходов, арендной собственности и кредитных ресурсов человек может образовать свое собственное производство и постепенно стать собственником личного предприятия, цеха и т. п. Однако он не является частным собственником в подлинном смысле этого слова. Ибо собственник — хозяин личного предприятия прежде всего является одним из субъектов общей собственности общества (народа) — земли, других природных ресурсов и т. д. Только тот факт, что он обладает личным предприятием, личным производством, не превращает его в частного собственника. В условиях господства народной собственности обладатель личного предприятия, хозяйства — не частный человек, не частный собственник, а непосредственно общественный человек, общественно объединенный собственник, имеющий личное предприятие, хозяйство, т. е. общественно-личный собственник. Если его собственность сегодня называют частной, то под этим следует подразумевать лишь собственность отдельного человека, личную собственность, предназначенную для производственной деятельности, и ничего больше.

Уже объявлено, что в Узбекской ССР созданы три частных предприятия. По названию они могут быть «частными», но по своей объективной сущности — личные или лично-семейные, а их собственники —

общественно-личные собственники. Раз так, то зачем называть частной по существу личную, лично-семейную собственность?

В личной, лично-семейной собственности членов социалистического общества могут находиться мелкие предприятия, хозяйства. В. И. Ленин указывал: «...Все говорят о мелком производстве. А что такое мелкое производство? Самый обычный ответ на этот вопрос состоит в том, что мелкое производство есть такое, которое не употребляет наемного труда. Так смотрят не только марксисты»⁸. Это положение сохраняет свою силу и поныне.

В заключение, исходя из всего сказанного выше, мы предлагаем следующую структуру проекта Закона Узбекской ССР «О собственности в Узбекской ССР»:

Преамбула (введение).

Раздел I. Исходные общие положения.

Раздел II. Субъекты, сущность, объекты, виды и формы социального присвоения материальных благ.

Раздел III. Виды, формы и субъекты собственности.

Раздел IV. Право собственности.

Раздел V. Собственность в Каракалпакской АССР.

Раздел VI. Собственность совместных предприятий, иностранных граждан, организаций и государств.

Раздел VII. Гарантии и защита прав собственности.

Если проект Закона «О собственности в Узбекской ССР» будет составлен по такой структуре, то, на наш взгляд, в нем найдут свое отражение и отношения присвоения и собственности, и правовые отношения. Тем самым будут обеспечены полное узаконение всех субъектов присвоения, видов, форм и субъектов собственности, а также права собственности в юридическом законе.

---

⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 19. С. 327.

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ УЧАСТИЯ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ИНСПЕКЦИЙ ПО ДЕЛАМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Как известно, закон, возложив на инспекции по делам несовершеннолетних¹ органы внутренних дел обязанность осуществления воспитательно-предупредительной работы с определенной категорией подростков, предусмотрел и их участие в уголовном судопроизводстве. И это вполне логично, ибо, располагая информацией об образе жизни и поведения подростков, склонных к совершению преступлений или уже совершивших их, контролируя поведение таких лиц, работники ИДН объективно являются сведущими лицами. Сообщаемые ими фактические данные могут иметь доказательственное значение для установления соответствующих обстоятельств по уголовному делу либо по делу, связанному с исполнением приговора (об отмене условного осуждения или сокращении испытательного срока, об освобождении от наказания осужденного, в отношении которого исполнение приговора отсрочено, или отмене отсрочки исполнения приговора).

Специфика уголовно-процессуальной деятельности такова, что вовлекаемые в уголовное судопроизводство граждане или должностные лица непременно обретают строго определенное процессуальное положение и наделяются соответствующими правами и обязанностями.

Как же уголовно-процессуальный закон регулирует участие в уголовном судопроизводстве работников ИДН? Какими правами они наделены на этапах предварительного расследования и судебного разбирательства? Каковы их обязанности? Эти вопросы вполне закономерно возникают в теории и практике уголовного судопроизводства. К сожалению, найти в законе четкие и исчерпывающие ответы на них весьма затруднительно.

Действующий УПК УзССР (ст. 230²) ограничился тем, что предусмотрел право суда вызвать в судебное заседание представителей ИДН, разрешив их участие в исследовании доказательств и, при необходимости, допрос их в качестве свидетелей³. Участие же работников ИДН в досудебных стадиях законом вообще не предусмотрено. Что касается судебного разбирательства, то, как видно из приведенных правовых предписаний, работники ИДН фактически приравнены к свидетелям. С нашей точки зрения, подобную законодательную конструкцию регулирования участия в уголовном процессе представителей ИДН нельзя признать удовлетворительной.

Во-первых, удельный вес преступлений несовершеннолетних в общем количестве зарегистрированных в Узбекской ССР преступлений составил в 1988 г. 5,1%, а всего в том году такими лицами было совершено 3557 преступлений⁴, в 1989 г. — соответственно 19,8% и 4224 преступления⁵.

Большинство уголовных дел о преступлениях несовершеннолетних рассматривается судами, остальные прекращаются на предварительном следствии, согласно ст. 5⁴ УПК УзССР. Учитывая, что многие несовершеннолетние подсудимые осуждаются условно либо с применением отсрочки исполнения приговора, по данной категории уголовных дел дополнительно проводятся судебные заседания для решения вопроса о сокращении испытательного срока при условном осуждении или отмене условного осуждения, об освобождении от наказания осужденного, в отношении которого исполнение лишения свободы отсрочено, или об отмене отсрочки исполнения приговора. Таким образом, работники ИДН являются потенциальными участниками сотен судебных заседаний, куда они нередко фактически и вызываются⁵. А раз так, то закон, во избежание затруднений и осложнений в практической деятельности,

¹ В дальнейшем — «ИДН».

² Ст. 230² УПК УзССР дословно совпадает со ст. 400 УПК РСФСР.

³ См.: Советское государство и право. 1989. № 8. С. 85.

⁴ См. текущий архив Прокуратуры УзССР за 1985 г.

⁵ Согласно нормативным актам МВД СССР, участие работников ИДН в судебных заседаниях, проводимых по вопросам освобождения несовершеннолетних от наказания после окончания срока отсрочки исполнения приговора или отмены отсрочки, признано обязательным.

должен четко регулировать процессуальное положение работника ИДН в связи с выполнением им уголовно-процессуальных функций.

Во-вторых, по фактам совершения преступлений несовершеннолетних возможно принятие решений об отказе в возбуждении уголовного дела или о прекращении уголовного дела с применением мер общественного воздействия или принудительно-воспитательного характера (ст.ст. 5⁴, 5⁶ УПК УзССР). Поскольку обязательное условие принятия таких решений — установление возможности исправления и перевоспитания лица без применения мер уголовно-правового характера, получение соответствующих фактических данных из ИДН просто необходимо. Не всегда при этом достаточно истребовать только письменные материалы о подростке для приобретения их к материалам уголовного дела или материалам проверки сообщения о преступлении. Следователи иногда предпочитают лично допрашивать инспекторов ИДН для сбора информации, характеризующей личность несовершеннолетнего обвиняемого. Подобные данные могут потребоваться и в стадии возбуждения уголовного дела, так как имеется возможность процессуально зафиксировать их путем получения объяснений от работника ИДН.

Это также обуславливает необходимость регулирования уголовно-процессуальным законом конкретных форм участия работников ИДН в досудебных стадиях уголовного процесса.

В-третьих, располагая доказательственной информацией, работники такого специального учреждения, как ИДН, не могут рассматриваться как «традиционные» свидетели. В качестве последних, согласно ст. 53 УПК УзССР, вызываются любые лица, если им стали известны какие-либо обстоятельства, подлежащие доказыванию по уголовному делу, или данные, относящиеся к характеристике личности обвиняемого. Отличие работников ИДН от обычных свидетелей заключается в том, что они — представители органов внутренних дел, входящих в правоохранительную систему.

Выполняя функции по воспитанию и профилактике правонарушений несовершеннолетних, работник ИДН постепенно накапливает сведения о конкретных подростках и часто у него складывается твердое убеждение о мерах воздействия, которые целесообразнее всего применить к ним в связи с совершением преступления. Для следователя, прокурора, суда такие сведения отнюдь не безразличны. Однако закон не предусматривает ни обязанности суда (прокурора, следователя) заслушать об этом представителя ИДН, ни права последнего изложить суду свое мнение по поводу наиболее целесообразной формы перевоспитания.

В-четвертых, цели привлечения представителей ИДН к участию в судебных заседаниях, проводимых по вопросам, связанным с применением к несовершеннолетним условного осуждения или отсрочки исполнения приговора, иные в сравнении со случаями разбирательства уголовных дел в суде. Мнение ИДН по существу рассматриваемого при исполнении приговора вопроса отражается в соответствующем представлении и заранее известно суду. В судебном заседании, как свидетельствует обобщенная практика, участие представителей ИДН сводится к поддержанию внешнего представления путем устного изложения фактических обстоятельств, уже имеющих в представленных в суд материалах. Немаловажно, однако, чтобы представитель ИДН мог реально участвовать в исследовании доказательств — задавать вопросы, задавать ходатайства, высказывать мнение в отношении исследуемых материалов и заслушиваемых показаний. Между тем в законе все ограничивается лишь общим положением ч. 6 ст. 345 УПК УзССР о том, что суд заслушивает явившихся в судебное заседание лиц.

Отмеченные недостатки законодательной регламентации участия в уголовном процессе представителей ИДН, присущие уголовно-процессуальному законодательству и ряда других союзных республик, привнесли в практику некоторую хаотичность, формализм, вызвали справедливые замечания практических работников, непосредственно испытывавших на себе несовершенство закона.

Так, обобщив в 1983 г. в г. Омске судебную практику по данному вопросу, В. Николюк констатировал следующее: а) отдельные суды вызывают сотрудников ИДН в судебные заседания при разбирательстве каждого дела о несовершеннолетнем, даже если он не состоял на учете в органе милиции, а на предварительном следствии был заключен под стражу. Не располагая какой-либо информацией о правонарушителе, работники ИДН в таких случаях фактически ничего не могут сообщить суду о личности подсудимого и потому неоправданно отвлекаются от выполнения своих служебных обязанностей; б) приглашенным в судебное заседание представителям ИДН суды придают неодинаковое процессуальное положение: одних допрашивают по правилам допроса свидетелей, а у других заслушивают лишь их мнение по уголовному делу; в) суды различно определяют предмет допроса работников ИДН: чаще всего они допрашиваются только о личности подсудимого, но иногда им предлагается высказываться о возможности исправления и перевоспитания подсудимого без изоляции от общества, о целесообразности применения к нему условного осуждения, отсрочки исполнения приговора⁶.

⁶ См.: Николюк В. Участие в судебном разбирательстве представителей ИДН//Советская юстиция.1983. № 9. С. 9.

Близкие к описанным результаты получены и Г. Великовой, также обобщившей в некоторых регионах РСФСР практику участия в судебном разбирательстве лиц (в том числе работников ИДН), вызванных в заседание суда в порядке ст. 400 УПК РСФСР: некоторые судьи в подготовительной части судебного разбирательства разъясняли представителям их права, другие этого не делали; в одних случаях в ходе судебного следствия судьи выясняли мнение представителей по поводу проведения тех или иных следственных действий, заявленных ходатайств, в других они оказывались лишь пассивными наблюдателями судебного процесса; в некоторых приговорах позиция представителей, высказанные ими предположения по поводу меры наказания получали определенную оценку, в иных же подобная оценка отсутствовала⁷.

Такое положение в целом характерно и для практики судов Узбекской ССР, поскольку законодательная регламентация участия представителей ИДН в судебных заседаниях в РСФСР и УзССР одинакова.

Все это, во-первых, говорит о необходимости совершенствования правового регулирования участия представителей ИДН в уголовном процессе; во-вторых, заставляет взглянуть на сотрудников ИДН как на специфических носителей информации и отграничить их от «обычных» свидетелей по уголовному делу; в-третьих, требует учета и совершенствования судебной практики по рассматриваемому вопросу.

В свете сказанного представляется целесообразным обратиться к опыту решения исследуемых вопросов законодателями Армянской ССР и Украинской ССР.

Как в УПК АрмССР, так и в УПК УССР участие представителей ИДН в судебном заседании регламентируется (наряду с участием комиссий по делам несовершеннолетних) самостоятельными статьями, что выгодно отличает их от УПК остальных союзных республик. Однако процессуальное положение названных представителей определяется в УПК АрмССР и УПК УССР принципиально по-разному.

Согласно ч. 2 ст. 400 УПК АрмССР, с разрешения суда представители ИДН могут участвовать в исследовании доказательств, а в необходимых случаях могут быть допрошены в качестве свидетелей. В судебном заседании они вправе возбуждать ходатайства, задавать вопросы подсудимому, его законным представителям, свидетелям, экспертам и в конце судебного следствия высказывать свое мнение по поводу наиболее целесообразной формы перевоспитания несовершеннолетнего подсудимого.

Нетрудно заметить, что хотя воспроизведенная норма и не охватывает все возможные случаи участия представителей ИДН в уголовном судопроизводстве (в стадиях возбуждения уголовного дела, предварительного следствия, исполнения приговора), она гораздо полнее регулирует их привлечение в уголовный процесс, наделяя комплексом прав, в том числе правом высказывать мнение по поводу мер воздействия на подсудимого.

Иная идея реализована в ст. 442 УПК УССР. Если представители комиссий по делам несовершеннолетних наделяются по закону правом задавать вопросы подсудимому, его законным представителям, потерпевшему, свидетелям, эксперту и специалистам, высказывать мнение по поводу наиболее целесообразной формы перевоспитания подсудимого, то представитель ИДН, в соответствии с ч. 3 ст. 442 УПК УССР, наделяется лишь правом присутствовать в зале судебного заседания и с разрешения суда давать объяснения. В необходимых случаях он может быть допрошен в качестве свидетеля (ч. 4 ст. 442 УПК УССР). Как видно, по УПК УССР участию представителей ИДН в судебных заседаниях фактически придается формальное значение. Думается, что конструкцию ст. 442 УПК УССР нельзя признать удачной и способствующей повышению воспитательного-предупредительного воздействия судебных процессов по делам несовершеннолетних.

Тот факт, что по УПК УССР представители комиссий по делам несовершеннолетних наделяются правами, позволяющими им активно участвовать в судебном разбирательстве, в том числе излагать свое мнение по поводу применения к подсудимому мер воздействия, а сотрудники ИДН лишены этого, объясняется, видимо, принадлежностью последних к системе правоохранительных органов, их возможной заинтересованностью в исходе дела. Однако подобные доводы нельзя признать убедительными.

Окончательное решение по вопросам, касающимся существа уголовного дела, принимает суд, оценивающий сообщаемые представителем ИДН сведения в совокупности со всеми другими доказательствами по делу. Суду же важно не собственное мнение сотрудника ИДН о наиболее целесообразных формах перевоспитания подсудимого, а те фактические данные, которые формируют такое мнение. И если они с достоверностью установлены по делу с помощью представителя ИДН, их использование при принятии итогового решения по делу обоснованно.

Учитывая все сказанное, мы приходим к следующим выводам:

1. Принятию решения об отказе в возбуждении уголовного дела (ст. 5^б УПК УзССР) или о прекращении уголовного дела (ст. 5^а УПК УзССР) с целью применения к несовершеннолетним мер общественного воздействия должно предшествовать

⁷ Великова Г. Участие представителей в судебном разбирательстве по делам несовершеннолетних // Советская юстиция. 1986. № 11. С. 27.

выяснение данных о личности подростка и мнения представителя ИДН о возможности его исправления без привлечения к уголовной ответственности, если несовершеннолетний правонарушитель состоял на учете в органе милиции и с ним проводилась воспитательно-профилактическая работа. Наряду с истребованием из ИДН соответствующих документов, у представителя ИДН могут быть получены об этом объяснения в стадии возбуждения уголовного дела, а на предварительном следствии он может быть допрошен в качестве свидетеля.

2. Вызов представителей ИДН в судебное заседание в связи с рассмотрением уголовного дела о несовершеннолетнем целесообразен лишь в случаях, когда несовершеннолетний состоял на учете в ИДН и с ним проводилась профилактическая работа.

3. Участие представителя ИДН в судебном разбирательстве предполагает наделение его комплексом конкретных прав и обязанностей, позволяющих ему активно вступать в процесс исследования доказательств, доводить до суда мнение о наиболее целесообразных формах перевоспитания несовершеннолетнего подсудимого. В этой связи следует признать удачной конструкцию ч. 2 ст. 400 УПК АрмССР, которую можно принять за основу при закреплении аналогичной нормы в УПК УзССР.

4. Специфику процессуального положения представителей ИДН в судебных заседаниях, проводимых по вопросам исполнения приговоров, необходимо отразить в самостоятельной норме (статье) УПК УзССР, четко обозначив права сотрудников ИДН участвовать в исследовании доказательств и излагать свое мнение по существу рассматриваемого вопроса.

Э. Г. Кашкет

О РОЛИ И МЕСТЕ ПРЕДВИДЕНИЯ В СТРУКТУРЕ НАУЧНОГО ПОЗНАНИЯ

Осуществляемая в стране перестройка, острые дискуссии о перспективах дальнейшего развития нашего общества резко актуализировали вопросы философско-методологического обоснования проблемы научного предвидения.

Выяснение философского статуса научного предвидения, его методологической, гносеологической и эвристической роли и взаимосвязи с формами и методами научного познания имеет большое научно-теоретическое и практическое значение. Накопленный за годы перестройки опыт свидетельствует о необходимости научно обоснованного предвидения непосредственных и более отдаленных последствий, всех преобразований, осуществляемых в социально-экономической, политической, духовной жизни страны.

Надо сказать, что К. Маркс, Ф. Энгельс, В. И. Ленин проводили четкое различие между тем, что можно предвидеть, как магистральное направление социального прогресса, и тем, что можно обоснованно прогнозировать в зависимости от того, идет ли речь о годах, десятилетиях или более отдаленном будущем¹. Как отмечал В. И. Ленин, «ум десятков миллионов творцов создает нечто неизмеримо более высокое, чем самое великое и гениальное предвидение»².

В работах советских авторов дается разнообразная трактовка понятия научного предвидения. Общим для всех определений, на наш взгляд, является положение о том, что научное предвидение — это суждение о будущем, его объектом является будущее как в природе, так и в обществе, а выводы о нем можно делать лишь на основе глубокого познания объективных законов материального мира.

Принимая во внимание существующие определения, мы полагаем, что можно дать следующее определение научного предвидения: это основанные на глубоком анализе и обобщении фактов и законов природы, общества, мышления выводы о том, что должно произойти в будущем.

Научное предвидение — это специфическая форма человеческого знания. В отличие от обычных знаний, содержащих сведения о событиях, имевших место в прошлом или происходящих в настоящем, научное предвидение несет в себе информацию о том, что должно произойти или быть открыто в будущем.

Важнейший принцип научного предвидения — диалектический анализ закономерностей развития материального мира, позволяющий установить характер и направление движения настоящего к будущему.

Среди основных видов научного предвидения, на наш взгляд, важное место занимает социальное предвидение. В современную эпоху «предвидение будущего стало повелительным социальным императивом, от соблюдения которого зависят жизнь человечества и судьба грядущих поколений»³.

Социальное предвидение выступает как комплекс проблем исследования перспектив развития различных общественных процессов. Оно, в частности, занимается

¹ См.: Введение в философию. Ч. 2. М., 1989. С. 590.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 281.

³ Введение в философию. Ч. 2. С. 587.

перспективами научно-технического прогресса, развития экономики, политических, социальных отношений и процессов духовной жизни общества.

Следует подчеркнуть, что социальное предвидение не существует в виде особой науки, изучающей те или иные стороны общественной жизни. Разработка перспектив развития отдельных областей жизни общества несомненно необходима. Однако выявлением таких перспектив нельзя ограничиваться, ибо развитие общества представляет собой движение системы динамически связанных между собой подсистем — экономической, технической, политической, социальной, культурной и др.

Сущность социального предвидения не может быть правильно понята без выяснения его соотношения с прогнозированием и планированием. Необходимо отметить, что предвидение и прогнозирование есть практическое воплощение социального предвидения. Совершенствование прогнозирования является показателем расширения сферы, масштабов и повышения точности научного предвидения в общественной сфере.

В прогнозе и плане содержатся элементы научного предвидения и потому, что они предполагают анализ существующих явлений и тенденций их развития. В основе как предвидения, так и прогноза и плана в одинаковой степени лежат оценки объективных возможностей развития общества на предстоящий период, опирающиеся на данные науки. Характеризуя сущность социального предвидения, прогноза, следует заметить, что они, как и план, возникают «не из фантазии», а подкреплены техникой, подготовлены наукой⁴.

Несмотря на многие общие черты, предвидение, прогноз и план отличаются друг от друга и без понимания различия между ними нельзя понять их единство и взаимодействие.

В отличие от социального предвидения, способного охватывать перспективы развития общества в целом, прогнозирование решает более узкие, конкретные вопросы. Оно определяет перспективы развития тех или иных процессов в определенном интервале времени, а на основе результатов прогнозирования планирование решает задачи определения путей и способов достижения определенных целей.

Научное предвидение представляет собой целенаправленный процесс, раскрывающий возможности развития и наступления определенных явлений в будущем. Существенная роль в этом процессе принадлежит субъективным и объективным факторам. В процессе познания происходит взаимопроникновение объективного и субъективного моментов.

Субъективный фактор научного предвидения, на наш взгляд, включает в себя общественное положение субъекта предвидения, его мировоззрение, знания, политический опыт, умение анализировать события, проницательность.

Практическая деятельность людей есть единство объективного и субъективного, т. е. практика соединяет в себе объективную природу и преобразующую ее деятельность человека. Объект и субъект существуют в единстве, в системе практики, где активной стороной выступает субъект, а определяющей — объект.

Существенный момент, из которого складывается объективный фактор предвидения, составляет взаимосвязь прогнозируемого объекта с другими объектами, а также влияние условий на этот объект. От учета этих факторов зависит, насколько точно, правильно построено предвидение, его результаты. Субъективные и объективные факторы определяют возможности и границы предвидения.

В научном познании, как правило, выделяют эмпирический и теоретический уровни. Предвидение, представляя собой важнейшую форму научного познания, также включает в себя уровни как эмпирического, так и теоретического познания. Эмпирическое и теоретическое, безусловно, должны рассматриваться в диалектическом единстве как взаимообуславливающие формы единой познавательной деятельности⁵.

Эмпирический и теоретический уровни — это специфически взаимопроникающие формы научной деятельности. При этом эмпирическое исследование, где происходит непосредственное взаимодействие субъекта и объекта познания, выполняет функцию выявления факторов и эмпирических зависимостей с помощью измерения и т. д.⁶

Процесс предвидения, прежде чем достигнуть определенного уровня, должен изкопить определенный объем эмпирической информации, относящейся к исследуемым явлениям реального мира. Эта информация выступает в виде фактов, составляющих эмпирический базис науки. Факты служат исходным, отправным моментом в предвидении, составляют ту эмпирическую основу, на которой строится весь процесс предвидения.

Факты, составляющие основу теории, гипотез, научного предвидения и других теоретических построений, вместе с тем являются формами развития последних. Они помогают уточнить правильность или ложность теории, гипотез, предвидения, двигают научное познание вперед, способствуя тем самым получению новых знаний о за-

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 40. С. 108.

⁵ См.: Швырев Л. С. Научное познание как деятельность. М., 1984.

⁶ См.: Коршунов А. М., Мантатов В. В. Диалектика социального познания. М., 1988.

кономерностях внешнего мира. В этом ярко проявляется эвристическая функция научных фактов.

Природа научного предвидения наиболее полно выражается в специфике и функциях законов науки. Это обуславливает тесную взаимосвязь предвидения с законом. В законах науки знание достигает исключительно высокой степени обобщения, конкретности и расчлененности.

Без раскрытия и познания законов, взаимосвязей материальной действительности невозможно предвидеть направление развития событий в будущем. Именно знание законов и механизмов их действия дает возможность раскрыть внутреннюю логику в развертывании событий, процессов, обнаружить их взаимосвязи, показать, откуда они берут начало и куда идет их развитие. Тесная взаимосвязь предвидения с законом позволяет нам определить научный закон как теоретическую основу предвидения.

Взаимосвязь научного предвидения с законом выражается, во-первых, в том, что предвидение, как и закон, опирается на познание существенных, необходимых, общих и относительно устойчивых связей предметов и явлений. Во-вторых, — в том, что, поскольку закон, выражая существенные, необходимые, общие и устойчивые отношения предметов и явлений, вызывает строго определенные результаты, то, зная направление развития событий, вытекающих из требований закона, можно с уверенностью предсказать, что будет происходить или будет открыто в будущем, сделать научное предвидение. В-третьих, поскольку объективные законы действуют лишь на базе соответствующих условий, то и научное предвидение включает в себя учет условий, при которых действует тот или иной закон.

Основное условие перехода предвидения на качественно новый уровень — взаимосвязь предвидения с теорией. На этом уровне предвидение перестает носить случайный, единичный характер, который имеет место, например, на эмпирическом уровне познания.

Ценность научной теории по сравнению с другими формами знания (понятие, закон, факт и др.) проявляется в систематизации, в способности в наиболее адекватной форме отражать действительность, выдвигать в той или иной степени обоснованные предположения. Теория, отражая определенный фрагмент действительности, дает целостную систему знания, выражает сущность изучаемых явлений. Это позволяет ей выступать надежной основой предвидения.

Большая роль научной теории в предвидении объясняется и тем, что наука проникает во все более отдаленные уровни познания. Это, в свою очередь, требует развития и совершенствования теоретического уровня научного познания, поскольку только научная теория и содержащиеся в ней законы составляют прочный фундамент предвидения.

Как известно, практика играет важную роль в построении теории. Теория, опираясь на практику, руководит преобразовательной деятельностью человека.

Практическая деятельность людей — основа и критерий предвидения. Как известно, материальная деятельность людей во всех сферах общественной жизни составляет основу человеческой практики. Практическая активность человека находит отражение в процессе предвидения, т. е. предвидение и практика находятся в сложной взаимосвязи и взаимозависимости.

Роль практики как критерия истины возрастает, когда она применяется для проверки предвидения. Это обуславливается тем, что мысль в процессе предвидения должна опережать ход событий, явлений. Всякое предвидение будет вероятным, пока оно не подтвердится практикой.

Таким образом, взаимоотношение предвидения и практики по своей природе глубоко диалектично: оно состоит не только в том, что практика служит основой и критерием истинного предвидения, но и в том, что предвидение, в свою очередь, оказывает обратное воздействие на практику. Предвидение является существенной чертой процесса научного исследования.

Научное предвидение вызвано к жизни насущнейшими практическими потребностями общества. Человек в своей деятельности должен ориентироваться на будущее, чтобы избежать принятия неправильных решений, выбора ошибочных направлений развития. Обществу необходима разработка определенных знаний для воздействия на настоящее и будущее, выявления прогрессивных тенденций развития, определения последствий этого развития, сосредоточения внимания на них, что, в свою очередь, позволяет сократить поле неопределенности прогноза.

В современных условиях проблема предвидения, прогнозирования (нормативного) принимает небывалые масштабы и играет важную роль в процессах управления. «Новое социальное мышление — это способность сочетать постановку глобальных проблем развития общества с решением вопросов, волнующих живых людей, его реализация предполагает переориентацию исследований на изучение конкретных групп людей, индивидов, их действительных интересов»⁸.

⁷ См.: Бестужев-Лада И. В. Понсковое социальное прогнозирование: перспективные проблемы общества. М., 1984. С. 7; Нормативное социальное прогнозирование: возможные пути реализации целей общества. М., 1987. С. 15.

⁸ Коршунов А. М., Мантатов В. В. Указ. соч. С. 374.

Все это актуализирует научно-теоретическое и практическое значение предвидения, а вместе с тем возрастает и значимость дальнейшего глубокого изучения проблемы предвидения, его роли и места в научном познании, сущности познавательного процесса вообще, его закономерностей, структуры, творческой природы и др.

К. Ж. Туленова

ВНУТРЕННЯЯ ТОРГОВЛЯ В ХИВИНСКОМ ХАНСТВЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВЕКА

В традиционном хозяйственном укладе населения Хивинского ханства XIX в. значительное место занимала внутренняя торговля, сосредоточенная на базарах городов и селений. Главными торговыми центрами и рынками сбыта были Хива и Новый Ургенч¹.

Удобное географическое положение (близость Амударьи и больших караванных дорог, связывавших ханство с Россией и Бухарой) также способствовало сосредоточению оптовой торговли в Хиве, Новом Ургенче, других городах, что играло большую роль в экономической жизни края².

Всего в ханстве существовало 35 базаров. Из них 24 считались подшальчными (ханскими и вакуфными), остальные 11 были собственностью частных лиц³. Кроме Хивы и Нового Ургенча, большие базары имелись в Ханки, Хазараспе, Клычниязбае, Шавате, Гурлене, Мангыте, Кунграде, Ходжейли, Ташаузе и других пунктах⁴, которые к середине XIX в. становятся торгово-ремесленными центрами с базарами и караван-сараями — местами временного пребывания торговцев и складами для привезенных или купленных ими товаров.

В 60 — начале 70-х годов XIX в. на базарах ханства насчитывалось более 2 тыс. лавок. Например, в г. Хиве имелось 400 лавок на крытом базаре и 50 — в караван-сараях⁵, в Хазараспе — 400 лавок⁶, в Ходжейли, Новом Ургенче и Ташаузе — по 300, в Гурлене — 200⁷, Кунграде — 315⁸, Куня-Ургенче — 100, Шавате и Шах-Аббас-Вали — 34 лавки⁹.

Базары обычно были расположены на небольшом расстоянии друг от друга — примерно 30—35 верст. Так, расстояние между базарами Хивы и Нового Ургенча составляло 36 верст, между Хазараспом и Ханками — 38, Ишан-базаром и Новым Ургенчем — 3/, Багатом и Новым Ургенчем — 28, Хивой и Ханками — 40 верст¹⁰.

Как правило, базары размещались в центральной части города или селения. Торговля в основном шла в базарные дни: в Хиве — по понедельникам и четвергам, в Новом Ургенче — по воскресеньям и средам, в Ханки и Кяте — по вторникам и субботам, в Хазараспе — по понедельникам и пятницам, в Ишан-базаре — по четвергам и воскресеньям¹¹; в прочие дни в основном торговали табаком, чаем, рисом, керосином, спичками в нескольких маленьких дуканах в разных частях базара¹².

В базарные дни жители из окрестных мест приезжали для продажи продуктов своего труда и закулки необходимых им товаров. Покупали они в основном продукты сельского хозяйства, а также изделия ремесленников и предметы фабрично-заводского производства.

В эти дни к базарам стекались и временные торговцы — ремесленники со своими изделиями, земледельцы — с хлебом и другими продуктами, кочевники — со скотом и изделиями из шерсти¹³.

При этом явно сказывалось тяготение окрестных жителей к определенным базарным пунктам. Например, кочевые жители Амударьинского отдела и казахи нескольких Казалинских волостей съезжались на базары в северные районы ханства, большей частью к Кунграду¹⁴.

¹ Туркестанский сборник. Т. 30. С. 93 (Военно-статистический сборник. Вып. III. СПб., 1880).

² Материалы по районированию Средней Азии. Кн. 2. Ч. 2. Ташкент, 1926. С. 86.

³ Садыков А. С. Экономические связи Хивы с Россией во второй половине XIX — начале XX века. Ташкент, 1965. С. 109.

⁴ Иванов П. П. Архив хивинских ханов XIX в. Л., 1940. С. 140—141.

⁵ Гулямов Я. Г. Памятники города Хивы. Ташкент, 1941. С. 32.

⁶ Туркестанские ведомости. 1874. № 2.

⁷ Там же. № 12.

⁸ Желябужский Е. Очерки завоевания Хивы. М., 1875. С. 59 (Туркестанский сборник. Т. 42. С. 109—110).

⁹ Туркестанские ведомости. 1874. № 14.

¹⁰ Современный кишлак Средней Азии. Вып. 2. Ташкент, 1926. С. 109.

¹¹ Туркестанские ведомости. 1874. № 12 (Материалы по районированию Средней Азии. С. 109—111).

¹² ЦГИАЛ, ф. 183, оп. 1, д. 12, л. 5 об.

¹³ Обзор Сыр-Дарьинской области. Приложение к всеподданнейшему отчету военного губернатора области за 1885 г. СПб., 1886. С. 201—202.

¹⁴ ЦГА УзССР, ф. И-2, оп. 1, д. 291, л. 93.

В Ходжейли приезжали и каракалпаки с правого берега Амударьи, пригонявшие скот и торговавшие продуктами скотоводства.

«Внутренняя торговля в Хивинском ханстве,— отмечал подполковник Г. И. Данилевский,— довольно деятельна, по причине значительного числа кочевых народов, стекающихся на его базары для мены скота на некоторые жизненные припасы»¹⁵.

Территория базаров таких крупных центров, как Хива, подразделялась на отдельные торгово-ремесленные ряды: хлопковый базар, кунжутный, зерновой, базар хлопковых семян, рисовый, марены и табака, коконов, бакалейный, лепешек, по продаже свечей и мыла¹⁶.

Базар по продаже скота, в свою очередь, разделялся по видам скота: базар, где продавали лошадей (от бозор), баранов (куй бозор) и др. Так, Ильялы считался главным базаром, где торговали лошадьми¹⁷. На базарах Кунграда, Ходжейли и Чимбая продавали не только скот, но и продукты животноводства¹⁸. Рядом с базарами скота шла купля-продажа клевера.

Базарная площадь крупных городов размещалась на одной из центральных улиц. По одну ее сторону торговали сельскохозяйственными продуктами, на противоположной — шла торговля произведениями ремесленного производства.

«В Средней Азии почти всякий базар или базарчик на лето крылся, но это делалось наскоро, кое-как, с помощью перекинутых через улицу жердей, на которые набрасывался камыш или плетенка»¹⁹.

Крытый же базар в Хиве состоял из двух больших купольных помещений. С востока и запада на базар вели большие арочные ворота. По планировке и назначению на нем специально велась торговля шелком и шелковыми изделиями. Возле ворот Палван-Дарваза был крытый базар, лавки которого служили главным образом для торга импортными товарами: мануфактурой, галантереей, сладостями, перцем, лекарствами. Особенно оживленная торговля происходила здесь в дни больших праздников²⁰.

Базарный день круглый год начинался с раннего утра на скотном базаре, затем оживленный торг последовательно переходил с одного места на другое. И продавцы, и покупатели прежде всего спешили туда, где продавались бараны. Баран (куй) олицетворял собой достаток (поэтому прикосновение рукой ко лбу барана, затем той же рукой к собственному лбу означало передачу этой благодати на производящего жест). После этого следовали на конский базар с целью обрести удачу и счастье. Существовала поговорка: «Куй бозор — бой бозор, от бозор — бахт бозор». И только после выполнения этого ритуала приступали к торговле²¹.

Ремесленно-кустарное производство в ханстве сосредоточивалось в основном в городах. В Хиве на крытой части базара размещались ремесленные мастерские заргаров (ювелиров), кузнецов, медников, лавки торговцев мануфактурой.

Некоторые ремесленники имели на базаре свои мастерские, служившие одновременно и лавками для продажи их продукции. Так, по архивным данным, жители городов (если они не принадлежали к духовенству или администрации, либо к числу случайных людей) непременно занимались ремеслом и продавали свои произведения в базарные дни²².

«Базар в Хиве,— писал один из очевидцев,— состоит из двух узеньких улиц, с лавками, тут же на базаре имеются караван-сарай, в которых много комнат, здесь же размещалась таможня, где брали пошлину с привезенного товара, в конце сарая продают людей, недалеко от этого базара, так с полверсты, идет базар, где продают скот, потом пшеницу, и дальше идет почти вроде нашей толкучки: тут продают тулупы, халаты, сапоги, баранину и всякую необходимость»²³.

Говоря о торговых отношениях в ханстве, следует отметить сохранившиеся пезжитки рабовладения и работорговли.

Ценные сведения по этому вопросу имеются у авторов 60—70-х годов XIX в., побывавших в отдельных районах ханства и видевших, как продают рабов. Невольников продавали в Хиве, Куня-Ургенче, Кунграде, Чимбае, Ходжейли, Ханках и др. Число рабов и рабынь, по словам хивинцев, доходило до 40 тыс.²⁴

По сведениям А. П. Хорошхина, в Хиве только из числа пленных в 1863 г. было 10 тыс. рабов; у одного ближайшего советника хана, Мат-Мурада было 150 рабов,

¹⁵ АВПР, «Главный архив» 1—9, оп. 8, д. 6, л. 110—110 об.

¹⁶ Иванов П. П. Архив хивинских ханов XIX в. Л., 1940. С. 139—140.

¹⁷ Гулишамбаров С. И. Экономический обзор Туркестанского района, обслуживаемого Средне-Азиатской железной дорогой. Асхабад, 1913. С. 163.

¹⁸ Лобачевский В. Военно-статистическое описание Туркестанского военного округа: Хивинский район. Ташкент, 1912. С. 91.

¹⁹ Федченко А. П. Путешествие в Туркестан. Т. 1. Ч. 2. СПб., 1875. С. 48.

²⁰ Гулямов Я. Г. Памятники города Хивы. С. 29—33.

²¹ Сазонова М. В. Традиционное хозяйство узбеков Южного Хорезма. М., 1976. С. 94—95.

²² ЦГИАЛ, ф. 183, оп. 1, д. 12, л. 1.

²³ Хива по рассказам пленных//Туркестанский сборник. Т. 42. С. 109—110. (Желябужский Е. Очерки завоевания Хивы. С. 83).

²⁴ ЦГВИА, ф. 483, оп. 1, д. 117, л. 10.

а на каждый базар «пригоняли за раз по 200 и более рабов»²⁵. По сообщению А. Л. Куна, молодая, красивая рабыня стоила на базаре от 40 до 250 тилля, а молодой раб продавался за 30—150 тилля²⁶. Вопреки Гандеманскому договору, в одном из пунктов которого значилось запрещение рабства и работорговли, продажа рабов на базарах ханства продолжалась еще много лет.

Куна-Ургенч также славился большим базаром. Кроме хивинцев, там торговали и туркмены — коврами, кошмами, курджумами (хурджуи), пшеницей, а также «красным» товаром²⁷.

Ходжейлинский базар имел такое же значение для каракалпаков и казахов, как Куна-Ургенч для туркмен. Базар в Ходжейли находился почти в центре города, на тесной улице, в «которой не разъехались бы две арбы, но крытой плоской кровлею», — писал один из дореволюционных авторов. По обеим сторонам улицы тянулись торговые лавки; чаще других встречались фруктовые, с сушеными плодами, свежими вишней и абрикосами, а в остальных лавках продавали халаты, сапоги из верблюжьей кожи, конские уборы, посуду, табак, чай, рыбу и др.²⁸

Рядом с фруктовыми лавками шла торговля продуктами животноводства (коровье масло, топленое баранье сало, шерсть баранов, шкуры коз и овец)²⁹.

На базарах ханства бывало много рыбы таких пород, как шип (красная рыба), усач, сом, сазан, лещ, судак. Население больше всего ценило сома, усача и особенно сазана. Большая часть рыбы продавалась на местных базарах в Кунграде, Чимбае, Ходжейли и Клыч-Кале. Доставляли ее в основном в свежем виде.

На базаре Чимбая было 36 рыбных лавок³⁰. Особенно славился рыбный базар Кунграда. «Кунградский базар, — писал А. Л. Кун, — изобилует рыбой, рисом и ячменем»³¹.

Оживленная торговля велась и на сельских базарах. Городские торговцы продавали там привезенные товары и скупали местное сырье. Но торговля была не лавочной, а караванно-кочевой: торговцы постоянно переезжали со своими товарами с одного места на другое³².

На рубеже XX в. 16% населения г. Хивы составляли торговцы. Исключительно высоким был процент торговцев в Хазраспе, где они составляли 36% населения. Горожане торговали круглый год, тогда как крестьяне продавали свои продукты сезонно, с июля по октябрь³³.

Торговцы делились на ряд категорий. Наиболее распространенными были «баккалы» (бакалейщики) — мелочные торговцы предметами первой необходимости; «баззоз» — продавцы бумажных и шелковых тканей; «аттор» — москательщики и торговцы разными лекарствами; «чапан-фуруш» — продавцы халатов. Среди торговцев выделялись оптовики — «савдагар» (купец)³⁴. Они же занимались доставкой товаров в ханство. В их числе можно было встретить лиц из администрации и духовенства³⁵.

Кроме продавцов и покупателей, на базарах действовали посредники-маклеры (далалы), участвовавшие главным образом в продаже скота. Нередко под видом посредника выступали перекупщики, наживавшие себе состояние на перепродаже скота или другого товара.

Центром торговли в ханстве считался Новый Ургенч, где жили самые богатые хивинские купцы, ведущие оптовую торговлю с Россией, Бухарой и другими сопредельными странами.

В городе существовал громадный караван-сарай, в котором находился склад товаров на сотни тысяч рублей. Здесь в основном и совершались большие сделки между оптовиками и торговцами розницей.

Новый Ургенч занимал центральное положение в южной части ханства, где проживала главная масса потребителей предметов фабрично-заводской промышленности и сосредоточивалась большая часть вывозимого хлопка и семян люцерны.

Хлопком на базарах ханства торговали в течение целого года. Каждый дехканин, имевший запас хлопка, часть его продавал на базаре своего кишлака или вывозил в соседний кишлак, город³⁶.

В 50—60-х годах основную массу вывозимых семян люцерны давали низовья Амударьи. Главным местом их скупки был базар в Новом Ургенче. Крупные скупщики везли семена для продажи в Оренбург, а затем их сбывали за границу:

²⁵ Хорошхин А. П. Сборник статей, касающихся до Туркестанского края. СПб., 1876. С. 484; ЦГВИА, ф. 483, оп. 1, д. 117, л. 10 об.

²⁶ Кун А. Л. От Хивы до Газавата // Туркестанские ведомости. 1873. № 32.

²⁷ Лавров М. В. Туркестан (География и история края). М., 1914. С. 194.

²⁸ Алиханов-Аварский М. Поход в Хиву 1873 г. СПб., 1899. С. 191.

²⁹ Лавров М. В. Туркестан... С. 194.

³⁰ Туркестанский сборник. Т. 72. С. 277—278.

³¹ Туркестанские ведомости. 1874. № 6.

³² Обзор Сыр-Дарьинской области... С. 201.

³³ Современный кишлак Средней Азии. Вып. 2. С. 107.

³⁴ ЦГИАЛ, ф. 183, оп. 1, д. 12, л. 1 об.

³⁵ Там же.

³⁶ ЦГА УзССР, ф. И-1, оп. 16, д. 624, л. 7.

в Италию, Германию, Америку. Хивинские семена люцерны по качеству конкурировали с французскими и итальянскими сортами, а потому стоили дороже.

Крупные торговцы скупали на базарах или непосредственно у крестьян, в сельских хлопках, марену (руян), рис, сухофрукты, кожу и др. и, упаковав их в верблюжьи тюки, караванами отправляли в Россию³⁷.

Среди крупных купцов были узбеки, персы, татары и др. Как явствуют архивные материалы, купцы делились на две категории: одни занимались привозом товаров, другие — вывозом его из ханства³⁸.

С ростом торговли начинает формироваться и торговая буржуазия. Среди купцов особенно выделялись: в г. Хиве — Мухамед Керим-бай, Ходжа Сагир, Суфи-бай Ходжа, в Новом Ургенче — Шакир-бай, Хурджин, Ходжа Сагир, Мухамед Шериф Баккал³⁹, в Ханки и Хазараспе — Гаудан Разак-Берды, Вали-бай, Саидхан и др.⁴⁰

Промышленные товары поступали мелочным торговцам от оптовиков, закупавших их в городах России и в других соседних странах⁴¹. Мелочники, по данным архивных материалов, занимались перепродажей товаров и существовали на проценты от своей торговли⁴¹. Многие из них «прогорали», залезали в долги. Купец, торговавший не «красным» товаром, покупал его на свои деньги, тогда как «красный» товар (т. е. ткани, мануфактура) мелочник приобретал в кредит у оптовика. Мелкий торговец старался набрать в долг как можно больше товаров для удовлетворения запросов большого числа людей. Распродавая по мелочам взятый ими в кредит товар, они, однако, не всегда могли реализовать его в короткий срок. Между тем на содержание самого торговца, его семьи, лошадей, перевозивших товар с базара на базар, требовались деньги, а их не всегда удавалось выручить. Поэтому перепродавцы нередко становились неплатящими должниками оптовых торговцев. В свою очередь, оптовики не всегда могли взыскать свои долги с мелочных купцов, так как, привозя из России главным образом ситцы, оптовики поневоле старались сохранять хорошие отношения со своими должниками. В противном случае оптовик рисковал остаться с товаром без денег, которые нужны были ему для покупки вывозимого в Россию хлопка и раздачи задатков дехканам под будущий урожай⁴².

Торговые сделки на базарах ханства осуществлялись на хивинские деньги. Серебряная монета «кокан» или «танга» (равная примерно 20 коп.) считалась основной денежной единицей. Существовала также медная монета — «пуль» или «чака»; 32 такие монеты составляли одну тангу.

Крупные расчеты производились при помощи золотой монеты — «тилля», равной 9 танга, или 1 руб. 80 коп. Изредка в обращение попадали «большие тилля» ценою в 3 руб. 60 коп.⁴³

В 1893 г. царское правительство запретило хивинскому хану чеканить тангу, что послужило толчком к быстрому распространению в ханстве русских денег⁴³.

От торговли вообще, в частности от базаров, в ханскую казну поступали значительные доходы. В частности, туда полностью поступал доход с городских базаров Мангыта, Кош-Купыра, Дарган-Ата, Питняка, Кунграда, Кыта, Килчбая и др. В пользу религиозных учреждений шли торговые сборы с базаров Астана, Хивы, Ханки, Кипчака, Ходжейлы, Куня-Ургенча, Тахты. Налоги, поступавшие с Хазараспа, Шавата, Кунграда, хан и духовенство делили между собой⁴⁴.

С богатых купцов взимался особый налог — «бой пули». Он определялся ханом: после получения ханских ярлыков каждый богатый купец должен был платить определенную сумму в казну⁴⁵. Кроме того, каждый продавец должен был платить «тагиджой» — плату за место на базаре и за право торговать. Этим налогом облагались все купцы, в соответствии с размером лавки, удобством ее расположения и продаваемым в ней товаром, в размере от 1 танги до 1 тилля⁴⁶.

Непосредственно на базарах торговцы платили сборщику налогов лавочный сбор — «муанат пули» и весовой сбор — «тарази пули».

В ханскую казну шел также денежный доход от маклерства — «даллал хаки», «даллали». Этот сбор взимался с торговца и покупателя; если заключаемая между ними сделка превышала 20 тилля, то взимался налог в сумме 1 танги. Ежегодно

³⁷ Там же.

³⁸ ЦГИАЛ, ф. 183, оп. 1, д. 12, л. 6 об.

³⁹ Садыков А. С. Из истории экономических и культурных связей Хивы с Россией (1873—1917)//Труды САГУ. Новая серия. Вып. 142. Материалы к вопросу прогрессивного значения присоединения Средней Азии к России. Ташкент, 1958. С. 68.

⁴⁰ ЦГИАЛ, ф. 183, оп. 1, д. 12, л. 8 об.

⁴¹ Там же, л. 2 об.

⁴² Там же.

⁴³ Там же, л. 3.

⁴⁴ Мак-Гакхан. Военные действия на Оксусе и падение Хивы. М., 1875. С. 225—226.

⁴⁵ ЦГВИА, ф. 483, оп. 1, д. 136, л. 5 об.

⁴⁶ Садыков А. С. Экономические связи... С. 109.

⁴⁷ Туркестанские ведомости. 1874. № 14.

⁴⁸ Мак-Гакхан. Военные действия... С. 207.

хан получал от сбора даллала 500—1000 тилля⁴⁹. Этот налог был обязательным для всех купцов, независимо от того, участвовали ли посредники в торговой операции.

Одной из первых статей дохода ханской казны был «зякет», или пошлина с товаров, привозимых и вывозимых из ханства караванами, составлявшая около 140 тыс. руб. в год⁵⁰.

Репортер американской газеты «Нью-Йорк геральд» Мак-Гахан, ссылаясь на учетные книги ближайшего советника хивинского хана, Мат-Мурада, приводит цифры налогов, собиравшихся самим Мат-Мурадом. Так, налог, взываемый с привезенных русских товаров, составлял 2,5% и доходил до 11 тыс. малых тилля; зякет с товаров, привозимых из Бухары и других стран, составлял 8663 малых тилля⁵¹.

В ханскую казну поступал и зякет со скота. Этот сбор равнялся приблизительно 40 тыс. руб. в год. Со скота, пригоняемого на базар, взимали: с овцы — 0,5 танги, с верблюда — 2, с лошади — 2, с крупного рогатого скота — по 1 танге⁵².

Впрочем, фактически в ханскую казну попадала лишь часть податей от внутренней торговли, ибо сбор их сдавался в аренду откупщикам, которые более половины собранных сумм утаивали от хана. Сбор некоторых видов торговых податей ханы предоставляли своим родственникам и сановникам. Например, базарный сбор в Хазараспе собирал дядя хана, Инак-Ибрагим-Ходжа, который уже от своего имени сдавал базар в аренду⁵³. Базарный сбор в т. Хиве был отдан на откуп Мат-Мураду диван-беги. Каждый год он вносил в пользу религиозных учреждений 2000 тилля (3600 руб.), а остальную выручку — до 18 тыс. руб. — утаивал от хана⁵⁴.

С купцов, однако, все подати взимались неукоснительно, что отрицательно сказывалось на состоянии торговли (порою дело доходило до разорения торговцев)⁵⁵.

В заключение надо отметить, что базары были не только пунктами торговли, но и местом оживленного общения мужской части населения. Здесь обменивались новостями, проводились деловые и другие встречи и т. п.

Базары содействовали развитию товарного обращения в ханстве, его экономических связей с другими районами Средней Азии, с кочевой степью, соседними странами, а особенно с Россией. Все это способствовало изживанию былой экономической замкнутости ханства, сложению единого внутреннего рынка.

Э. Сагдиев

⁴⁹ ЦГА УзССР, ф. И-1, оп. 29, д. 138, л. 4.

⁵⁰ Тухтаметов Т. Г. Россия и Хива в конце XIX — начале XX вв. М., 1969. С. 115.

⁵¹ Ма к-Г а х а н. Военные действия... С. 206—207.

⁵² Туркестанские ведомости. 1873. № 32.

⁵³ ЦГИАЛ, ф. 183, оп. 1, д. 16, л. 3—3 об.

⁵⁴ Там же, л. 3 об.

⁵⁵ См.: Рожкова М. К. Экономические связи России со Средней Азией: 40—60-е годы XIX века. М., 1963. С. 40.

О ПРОБЛЕМАХ ИЗУЧЕНИЯ ПАЛЕОЛИТА НА ТЕРРИТОРИИ СРЕДНЕЙ АЗИИ И ЮЖНОГО КАЗАХСТАНА

Проблемы палеолита на территории Средней Азии и Южного Казахстана в течение нескольких лет разрабатываются автором этих строк на основе анализа богатого археологического материала, добытого нами в результате 20 лет полевых работ на многослойной палеолитической стоянке Кульбулак, тщательной обработки объектов индустрии многих палеолитических памятников, хранящихся в фондах Ленинграда, Москвы, Нукуса, Самарканда, Ташкента, и критического анализа литературы по палеолиту Средней Азии и Южного Казахстана.

За последние два-три десятилетия в ходе планомерных работ на территории указанного региона открыты многочисленные разновременные палеолитические памятники, исследование которых показало, что территория Средней Азии и Казахстана, в том числе Узбекистана, в эпоху палеолита была широко заселена первобытными людьми. Следовательно, этот культурно-исторический регион можно включить в число древнейших очагов формирования и развития человечества на территории нашей страны.

Однако, как выяснилось из анализа источниковедческой базы, палеолит на территории Средней Азии и юга Казахстана, как, впрочем, и других обширных регионов, изучен очень неравномерно, а потому имеется ряд проблем, требующих своего решения.

Так, на территории Средней Азии и Казахстана пока выявлено всего два памятника позднеолдувайской эпохи: один из них — Кульдара в Южном Таджикистане¹, другой — в долине р. Арыстанды Южного Казахстана².

¹ Ранов В. А. Исследование палеолитических стоянок Южного Таджикистана // Археологические открытия (АО) 1982 г. М., 1983. С. 503; Додонов А. Е. Антропоген Южного Таджикистана. М., 1986. С. 41.

² Алпысбаев Х. А. Памятники нижнего палеолита Южного Казахстана. Алма-Ата, 1979. С. 15—26.

Памятники ашельского периода обнаружены на территории Малого и Большого Каратау Южного Казахстана³, на юго-востоке Устюрта, в Каракалпакии⁴, на западе Туркмении⁵. В последние 10—15 лет открыты и исследованы домостыерские палеолитические памятники в Южном Таджикистане⁶. Однако все ашельские памятники представляют собой местонахождения с разрушенным культурным слоем или, как в Южном Таджикистане, переложены в погробенных почвах, где культурные слои как таковые отсутствуют. Кроме Южного Казахстана, где изучены, по новой перддтировке П. И. Борисовского⁷, древне-, средне- и позднеашельские памятники, на остальной территории Средней Азии и Южного Казахстана, кроме многослойного палеолитического памятника Кульбулак (Узбекистан)⁸ и Сель-Унгура (Киргизия)⁹, пока не известны соответствующие по времени палеолитические памятники с непотревоженными культурными слоями, сохранившимися остатками костей ископаемых животных и залегающие в достаточно четких стратиграфических условиях.

Что касается памятников мустыерской эпохи изучаемого региона, то, как видно из обзора литературы, пещерных стоянок, стоянок под открытым небом и местонахождений этого времени выявлено и изучено сравнительно много. Больше всего их на территории Узбекистана. Это — всемирно известный грот Тешик-таш¹⁰, Аман-Кутан¹¹, Кутурбулак¹², Обирахмат¹³, Ходжикент-1 и 2¹⁴, многослойная палеолитическая стоянка Кульбулак¹⁵, культурные слои которых были непотревожены и в них наряду с каменными орудиями сохранились остатки костей ископаемых животных (в некоторых — птиц). На остальных территориях Средней Азии и Южного Казахстана, кроме многослойной мустыерской стоянки Карасу им. Ч. Валиханова в Южном Казахстане¹⁶ и пещерной стоянки Огзи-Кичик в Таджикистане¹⁷, памятники этого времени представлены местонахождениями с разрушенным культурным слоем. Причем на всей территории Средней Азии и юга Казахстана пока не известны (кроме Кульбулака) древнемустыерские памятники; редки памятники среднемустыерской эпохи и сравнительно больше памятников позднего (финального) мустые.

Очень редки на данной территории позднепалеолитические памятники. В настоящее время известно всего шесть стратифицированных памятников этого времени: Самаркандская стоянка¹⁸, Ходжамэзги¹⁹, три позднепалеолитических культурных

³ Там же.

⁴ Бижапов Е. Б. Находки памятников палеолита на юго-восточном Устюрте // Вестник Каракалпакского филиала АН УзССР. Вып. 3. Нукус, 1979. С. 68—72.

⁵ Любин В. П. Палеолит Туркмении (История исследования, новые материалы, ближайшие задачи) // Советская археология (СА). 1984. № 1. С. 26—45.

⁶ Ранов В. А. Исследование лёссового разреза Хонак // АО 1979 г. М., 1980. С. 472; Его же. Раскопки нижнепалеолитической стоянки Лахути // АО 1980 г. М., 1981. С. 479—480; Додонов А. Е. Антропология Южного Таджикистана.

⁷ Борисовский П. И. Древнейшее прошлое человечества. Л., 1979. С. 103.

⁸ Касымов М. Р., Годин М. Х. Многослойная палеолитическая стоянка Кульбулак к востоку от Ташкента // Тезисы докладов XI конгресса ИНКВА. Т. III. М., 1982. С. 160—161; Касымов М. Р., Тетюхин Г. Ф. и др. К вопросу о комплексном исследовании многослойной палеолитической стоянки Кульбулак в Узбекистане // КСИА. Вып. 181. 1985. С. 101—109.

⁹ Исламов У. И., Омонжулов Т. Пещерная стоянка Сель-Унгура (древнепалеолитический памятник в Ферганской долине) // ИМКУ. Вып. 19. Ташкент, 1984. С. 18—27.

¹⁰ Окладников А. П. Исследование мустыерской стоянки и погребения неандертальца в гроте Тешик-таш, Южный Узбекистан (Средняя Азия). М., 1949.

¹¹ Лев Д. Н. Древний палеолит в Аман-кутане (исследования 1953—1954) // Труды УзГУ. Новая серия. Вып. 61. 1956.

¹² Ташкенбаев Н. Х., Сулейманов Р. Х. Культура каменного века долины Зарафшана. Ташкент, 1980.

¹³ Сулейманов Р. Х. Статистическое изучение культуры грота Оби-Рахмат. Ташкент, 1972.

¹⁴ Окладников А. П. Ходжикентская пещера — новый мустыерский памятник Узбекистана // КСИА. Вып. 82. 1961. С. 68—76; Назретдинов Х. Ходжикентская пещера № 2 — мустыерский памятник близ Ташкента // ОНУ. 1962. № 4.

¹⁵ Касымов М. Р. Многослойная палеолитическая стоянка Кульбулак в Узбекистане // МИА. № 185. Палеолит и неолит. Т. 7. М.; Л., 1972. С. 111—119; Касымов М. Р., Тетюхин Г. Ф. и др. К вопросу... С. 101—109.

¹⁶ Алпысбаев Х. А. Памятники... С. 52—176.

¹⁷ Ранов В. А. Работы отряда по изучению каменного века в 1971 г. (раскопки на площадке перед пещерой Огзи-Кичик) // Археологические работы Таджикистана. Вып. XI. Душанбе, 1975; Его же. Раскопки в Огзи-Кичике в 1975 г. // Археологические работы в Таджикистане. Вып. XV. Душанбе, 1980.

¹⁸ Джуракулов М. Д. Самаркандская стоянка и проблемы верхнего палеолита Средней Азии. Ташкент, 1987.

¹⁹ Ташкенбаев Н. Х. О результатах исследования Ходжамэзгильской верхнепалеолитической стоянки // ИМКУ. Вып. 20. Ташкент, 1986. С. 3—9.

слоя Кульбулака²⁰ и пещерная стоянка Ак-таш²¹ в Узбекистане, позднепалеолитическая стоянка Шугноу на юге Таджикистана²², Ходжагор в Киргизии²³. Остальные памятники этого времени, выявленные по всему региону, имеют разрушенный культурный слой. В большинстве своем это временные стойбища охотников или мастерские, где добывали сырье и производили первичную обработку каменных орудий²⁴.

Таким образом, на территории изучаемого региона до сих пор не выявлены (кроме Кульбулака) стратифицированные палеолитические памятники с культурными слоями, характеризующими переход от ашеля к мустье и от мустье к верхнему палеолиту. В этой связи огромное значение имеет Кульбулак, где в 19-метровой плейстоценовой толще стратифицированных отложений заключены культурные слои, отражающие именно указанный переходный период. В Кульбулаке выявлено уже 49 культурных слоев, расположенных друг над другом и относящихся к ашельскому (22 слоя), древне-, средне- и позднемустье-скому (24 слоя) и позднепалеолитическому (3 слоя) периодам эпохи палеолита²⁵.

При этом очень остро встает вопрос о выявлении технико-типологических критериев, определяющих грань перехода от одной эпохи к другой и связь их с определенными переменами природной среды в различных областях обширного региона Средней Азии и Казахстана, видимо, проявившаяся по-разному и в разное время.

Следует отметить, что до недавнего времени хронология и периодизация палеолитических памятников Средней Азии и Казахстана основывались исключительно на технико-типологических данных объектов каменной индустрии, а в настоящее время, когда в исследованиях палеолита утвердился «принцип геологической стратиграфии с учетом местных особенностей в развитии культуры»²⁶, этот подход оказывается недостаточным. В силу объективных причин, не располагая данными естественных наук, исследователи палеолита Средней Азии и Казахстана и до сих пор вынуждены обосновывать хронологию памятников главным образом типолого-техническими характеристиками орудий труда эпохи палеолита.

Геологический возраст палеолитических памятников зачастую определяется «на основании облика, характера обработки и степени патинизации»²⁷ или в большинстве случаев геологический возраст того или другого памятника подтисывается к археологическим датировкам²⁸. При этом палеолитические памятники, выявленные на территории различных республик Средней Азии и Южного Казахстана, исследованы геологами, придерживающимися разных точек зрения на геологическую периодизацию. Отсюда геологические датировки различных классических памятников зачастую противоречат друг другу.

Несмотря на заметные успехи комплексной методики исследования палеолита региона, не решены многие важные вопросы геологической периодизации, что мешает, например, созданию единой хронологической шкалы для обширных территорий Средней Азии и Южного Казахстана.

Проблема своеобразия палеолитических памятников Средней Азии и Южного Казахстана тесно связана с проблемами генезиса, культурной, социально-бытовой и

²⁰ Касымов М. Р. Многослойная палеолитическая стоянка...

²¹ Насретдинов Х. К. Пещера Акташ — палеолитическая стоянка под Ташкентом // ОНУ. 1963. № 6. С. 55.

²² Никонов А. А., Ранов В. А. К характеристике средне-верхнеплейстоценовых отложений р. Яксу в свете новых данных // Доклады АН ТаджССР. 1971. № 12. С. 44—47; Ранов В. А. Палеолитическая стоянка Шугноу // АО — 1970 г. М., 1971. С. 440—441.

²³ Окладников А. П. Каменный век Таджикистана: Итоги и проблемы // Материалы второго совещания археологов и этнографов Средней Азии. М.; Л., 1959. С. 158—184; Несмеянов С. А., Ранов В. А. О геологическом возрасте верхнепалеолитической стоянки Ходжа-гор (Южная Фергана). Труды Ин-та истории АН ТаджССР. Т. 42. Душанбе, 1964. С. 125—127.

²⁴ Окладников А. П. Древнейшее прошлое Туркменистана / Древние охотники и собиратели в степях и пустынях Туркменистана // Труды Ин-та истории, археологии и этнографии АН ТуркмССР. Т. 1. Ашхабад, 1956; Касымов М. Р. Кремнеобработывающие мастерские и шахты каменного века Средней Азии. Ташкент, 1972.

²⁵ Касымов М. Р., Годин М. Х. Важнейшие результаты исследований многослойной стоянки Кульбулак (по данным раскопок 1980—1982 гг.) // ИМКУ. Вып. 19. Ташкент, 1984. С. 3—18.

²⁶ Рогачев А. Н. Некоторые вопросы стратиграфии и периодизации верхнего палеолита Восточной Европы (о принципе геологической стратиграфии при изучении палеолита) // Труды Комиссии по изучению четвертичного периода (КИЧП). № 28. 1961. С. 40—45.

²⁷ Никонова А. А., Шумова Г. М. Об условиях залегания и геологическом возрасте палеолитических находок в Он-Арче (Киргизская ССР) // Бюллетень КИЧП. № 51. 1981. С. 85.

²⁸ Ранов В. А., Несмеянов С. А. Палеолит и стратиграфия антропогена Средней Азии. Душанбе, 1973.

хозяйственной специфики памятников этого времени как региона, так и сопредельных стран.

К выводу о разнокультурности, различных истоках культурных явлений палеолита Средней Азии и Южного Казахстана приходят А. П. Окладников, М. Р. Касымов, В. П. Любин, В. А. Ранов, Р. Х. Сулейманов. Однако схемы периодизации культурной принадлежности палеолитических памятников, разработанные В. А. Рановым в 60—70-х годах для Средней Азии, требуют дальнейшего уточнения и дополнения²⁹.

Таким образом, ни вопросы хронологии и периодизации, ни вопросы генезиса и культурной принадлежности палеолитических памятников Средней Азии и Южного Казахстана нельзя считать окончательно решенными. Исследователи палеолита этого региона в своих работах так или иначе затрагивают вопросы специфики палеолита той или другой области региона, но индустриальная специфика палеолитических памятников рассматривается в самых общих чертах. При этом читатель сталкивается с терминологической несогласованностью и разными подходами к оценке одних и тех же явлений и археологических данных разными исследователями.

Весьма важной является проблема взаимоотношения природы и палеолитического человека, привлекающая все более пристальное внимание археологов, антропологов, геологов, литологов, географов, палеонтологов и др. Благодаря их усилиям, в разработке упомянутых вопросов сделано многое, однако видятся еще большие перспективы для совместных, комплексных исследований палеолитических памятников Средней Азии и Южного Казахстана. Подобные исследования ведутся последние 25—30 лет на ряде палеолитических памятников Узбекистана и Таджикистана. Однако комплексные работы пока не получили должного размаха, и сотрудничество специалистов различного профиля предстоит еще всячески расширять.

Чтобы правильно оценить взаимоотношения человека и природы, изучение палеолитических памятников надо строить на основе анализа многих естественно-исторических и социальных факторов, которые с течением времени все более усложнялись. Это было результатом как совершенствования самого человека, его эволюции как биологического рода, так и следствием прогресса социальной структуры человеческих сообществ, совершенствования их материальной культуры.

Условия обитания людей эпохи палеолита на территории Средней Азии и Южного Казахстана изучены лишь в общих чертах.

Среди вопросов об окружающей среде палеолитического человека главными являются палеогеографические условия, на фоне и под влиянием которых развивалось человеческое общество, и время, т. е. геологический возраст палеолитических памятников. Именно они имеют первостепенное значение для решения многих археологических проблем.

Уяснение указанных вопросов необходимо для решения таких проблем, как время и место формирования древнейших людей различного физического типа; своеобразие путей развития различных локальных вариантов материальной культуры; палеогеографические условия и роль природной среды в формировании людей и их материальной культуры; стратиграфическое и палеогеографическое значение палеолитических памятников и т. д. Все это требует глубокого изучения археологических, антропологических и палеозоологических материалов из палеолитических стоянок исследуемого и сопредельных регионов.

М. Р. Касымов

---

²⁹ См.: Ранов В. А. Главные вопросы изучения палеолита Средней Азии // Основные проблемы изучения четвертичного периода. М., 1965. С. 393—406; Его же. О возможности выделения локальных культур в палеолите Средней Азии // Известия АН ТаджССР. 1968. № 3 (53); Его же. «Галечная техника» в культурах каменного века Сибири и Средней Азии // Сибирь и ее соседи в древности. Новосибирск, 1970. С. 17—26; Его же. К изучению мустьерской культуры Средней Азии // МИА. 1971. № 173. С. 209—232.

НОВОЕ В НАУКЕ: ПОИСКИ, НАХОДКИ, ОТКРЫТИЯ

КАМЕННАЯ ПОДЕЛКА С ГОРОДИЩА СТАРОГО ТЕРМЕЗА

В 1982 г. на городище Старого Термеза в восточной части холма, вытянутого вдоль правого берега Амударьи, был поднят фрагмент каменной поделки из нефрита темно-зеленого оттенка, замещенного хлоритом¹. Поделка, от которой сохранилась только половина, вероятно, была круглой формы, диаметром 6 см, толщиной 8—9 см. Одна сторона поделки вогнутая, вторая выпуклая. На обе ее стороны нанесены

---

¹ Пользуясь случаем, приношу свою признательность акад. АН УзССР А. С. Аскарову, который нашел поделку и передал ее автору этих строк.

изобразительные сцены, выполненные острым металлическим предметом. Рельеф глубокий, торцевая сторона прорезана ножом и отполирована.

На вогнутой стороне под круглым сводом, заполненным бусинками, изображена сидящая на небольшой, невысокой тахте женщина, играющая на лютне. Ноги ее переданы в профиль, левая изображена чуть выше правой и заброшена на правую ногу, туловище женщины дено в фас, голова слегка повернута влево. На музыкантше плотное платье с длинными рукавами до запястья, складки которых переданы горизонтальными параллельными линиями под небольшим углом. Отвороты платья широкие. Лицо полное, нос прямой, крупный, глаза миндалевидные, уши крупные с серьгами, на шее украшение с крупным медальоном, свисающее на грудь.левой рукой женщина держит за верхний конец лютню и нажимает на струны, а правой, согнутой в локте, прижимает лютню к себе и пальцами перебирает струны. Лютня с широким корпусом вытянутой формы и коротким стволом, трехструнная, о чем свидетельствует место закрепления струн, которое передано тремя слегка заметными углублениями.

Рис. 1.

На оборотной, выпуклой стороне подделки изображен поражающий противника копьем всадник; голова его и передняя часть лошади отбиты. Всадник сидит на высоком седле с округленными сверху краями. От седла к протоме лошади протянуты два боковых ремня, а через круп проходит подхвостник. Вся упряжь передана в виде рельефных линий и точек. Фигура всадника слегка наклонена вперед, ноги его, прижатые к лошади и слегка согнутые в колене, плотно охватывают ее живот. На ногах сапоги. Ноги переданы в профиль, а корпус всадника — в три четверти оборота. Правая рука откинута назад и держит конец длинного копья, левая рука не сохранилась. Справа на поясе длинный меч в ножнах, украшенный треугольниками. Отдельные части тела всадника прикрыты панцирной броней. В частности, руки защищены горизонтальными прямоугольниками пластин, колени — квадратными. Была ли защищена броней грудь всадника, трудно сказать. Возможно, что поверх панциря имелся своеобразный корсет, прикрывающий панцирную броню. На его плечах — длинный плащ-накидка, схваченный на груди круглой бляшкой.

На этой стороне подделки передана сцена стремительного нападения на полном скаку. Об этом свидетельствует не только поза всадника, но и изображение плаща-накидки, развевающегося за спиной на уровне плеч. Складки шароваров под воздействием ветра приобрели горизонтальные очертания, что передано на рисунке в виде прямых горизонтальных линий.

Сцены, изображенные как на выпуклой, так и на вогнутой сторонах подделки, пронизаны глубоким динамизмом. Это особенно хорошо видно при рассмотрении изображений на выпуклой стороне подделки, где, вероятно, была воспроизведена сцена поединка двух богатырей. Допустимо также, что на подделке мог быть изображен только один воин, на скаку поражающий копьем противника. Впрочем, не исключен и другой вариант интерпретации данной сцены. В частности, здесь могла быть изображена сцена охоты. В таком случае, всадник поражает копьем какого-то животного в прыжке, а потому и направление копья горизонтальное, прямое. Тем не менее мы отдаем предпочтение первой интерпретации сцены. Вся фигура всадника передана в движении: ноги, корпус, руки — все подчинено единому стремлению поразить противника.

Прямых аналогов сценам, выгравированным на обеих сторонах термезской подделки, пока не известно. Однако отдельные детали сцен и сами образы встречались в изобразительном искусстве. Это особенно касается женщины, играющей на лютне. Этот образ был широко распространен в Средней Азии и за ее пределами в античный период и позднее. Изображения лютнисток известны на памятниках монументальной скульптуры, в частности на знаменитом Айратамском фризе², в каменных

Массой М. Б. Находка скульптурного карниза первых веков в. э. Ташкент,

1933.

рельефах Гандхары³, в монументальной живописи⁴ и в коропластике⁵. Причем именно в коропластике образ женщины, играющей на лютне, получил наиболее широкое распространение. Но сходство здесь, как уже отмечалось выше, сводится к самому образу, а не к изображению персонажа. В данном случае лишь лютня схожа формой с инструментом, изображенным на дальверзинской терракоте⁶. Дальверзинская лютня также имеет неширокий вытянутый корпус. Такая же форма лютни встречается и на аккурганской терракоте⁷. По мнению Т. С. Вызго, подобная форма получила распространение в Сасанидском Иране⁸. В Бактрии в этот период бытовали и другие формы лютни, которые имели большой круглый корпус. Они особенно характерны для Самаркандского Согда⁹. Как самаркандские, так и дальверзинские терракоты с изображением лютнисток, датируются I—III вв. н. э.

Изображение самой женщины находит сходство в изобразительном искусстве Гандхары, где женщины также пышногруды, поза ног и сама техника исполнения идентичны. Изображение женщины, сидящей в схожей позе, выполненное в аналогичной технике, имеется и на гребне из Дальверзинтепа. Сходство здесь обнаруживается даже в таких мелких деталях, как параллельная разработка складок одежды. Но в отличие от термезской женщины, она изображена полуоблаженной, с иным поворотом фигуры. Гребень был предметом индийского эксперта и датируется III в. н. э.¹⁰

Если сам образ женщины-музыкантши из Старого Термеза и отдельные детали изображения находят сходство в изобразительном искусстве Бактрии и Гандхары, то изображение на выпуклой стороне поделки не имеет прямых аналогов в искусстве этих областей. Видимо, в этом изображении была заложена идея прославления храбрости воина-героя. Изображение всадника с копьем в руках до сих пор не было известно в изобразительном искусстве Средней Азии кушанского времени и позднее, за исключением отдельных находок в Хорезме. Они не характерны и для гандхарского искусства. Для Средней Азии более характерно изображение поединка, будь то охота или сражение, с применением лука или меча, но не копья. Подобное изображение более характерно для греков, у которых копье считалось одним из самых любимых видов вооружения. Видимо, поэтому в изобразительном искусстве античного мира мы чаще встречаем изображения воинов с копьями, а не с луком и мечом. Не случайно боги войны и победы Афины греки изображали с копьем. На картине Филоксена «Битва Александра с Дарием» в Помпее Александр Македонский также изображен с копьем в руке¹¹. Чисто греческое

Рис. 2.

происхождение имеет и плащ-накидка. Тонкие длинные копья опять же были характерны для греков. Эти элементы сходства позволяют считать, что на выпуклой стороне термезской поделки изображен греческий воин. Не исключено, что здесь мог быть изображен и сам Александр Македонский.

Изображение меча аналогично мечам на монетах кушанских царей Канишки

³ Marshall J. *Buddhist art of Gandhara*. Cambridge, 1960. Pl. 41. Fig. 65.

⁴ Негматов М. Н. О живописи дворца афшинов Уструшаны // СА. 1973. № 3. С. 195.

⁵ Вызго Т. С. Изображения музыкантов в коропластике Дальверзин-тепе // Дальверзин-тепе — кушанский город на юге Узбекистана. Ташкент, 1978. С. 165—171; Пидаев Ш. Р. Поселения кушанского времени Сеперной Бактрии. Ташкент, 1978. С. 74; Мешкерис В. А. Терракоты Самаркандского музея: Каталог. Л., 1962; Абдуллаев К. Изображение музыкантов в коропластике Бактрии. Информационный бюллетень. Вып. 7. М., 1984. С. 58—63.

⁶ Вызго Т. С. Изображения музыкантов... Рис. 166.

⁷ Пидаев Ш. Р. Поселения... Рис. 24, 1.

⁸ Вызго Т. С. Изображения музыкантов... С. 168.

⁹ Мешкерис В. А. Терракоты Самаркандского музея... Табл. IX.

¹⁰ Пугаченкова Г. А. Квартал керамистов // Дальверзин-тепе — кушанский город... С. 137. Рис. 976.

¹¹ История искусства зарубежных стран. М., 1979. С. 145. Рис. 313.

и Васудевы. Меч длинный, неширокий, легкий и удобный в сражении. Панцирная броня всадника также находит сходство в изобразительном искусстве. Ее изображение известно в Халчяне¹² и по монетам.

Термезский всадник имеет определенное сходство с изображением скачущего всадника с длинным копьем на фляге с городища Койкрылганкала в Хорезме, датируемой раннеанглийским временем¹³. Несколько более близкое сходство мы находим в декоре Стасовского склепа первой половины II в. н. э. в Причерноморье, где изображена сцена боя боспорцев с сарматами. Они также изображены скачущими и поражающими друг друга длинными копьями. Причем положение плаща-накидки на боспорце точно такое же, как на термезской поделке¹⁴.

Аналогичное изображение можно увидеть и в рельефе из Танаиса, где наместник боспорского царя Трифон изображен скачущим на лошади с длинным копьем. На нем — чешуйчатый доспех. Плащ-накидка — как и на термезской поделке¹⁵. Изображения скачущего всадника (царя) с копьем в руке известны и на боспорских медных монетах конца I—II в. н. э.¹⁶ Таких примеров очень много в изобразительном искусстве античного Причерноморья. Эти сходства дают нам дополнительное основание считать, что образ скачущего всадника с копьем в руке связан с греческим искусством.

Изображение катафрактария с копьем имеется и на монетах индо-парфянского правителя Ванона (52—42 гг. до н. э.) и индо-сакского владетеля Аза I (32—10 гг. до н. э.)¹⁷.

Схожие каменные поделки в археологической литературе известны как «туалетные диски». Они были особенно широко распространены в Гандхаре во II в. до н. э. — I в. н. э. В Северной Бактрии же, судя по количеству находок, они не получили столь широкого распространения. Здесь найдено всего четыре «туалетных диска»: три в Таджикистане¹⁸ и один на Дальварзинтепа, в Сурхандарьинской области Узбекистана¹⁹. Однако характер изображений термезской поделки не имеет ничего общего с изображениями, воспроизведенными на этих дисках. Сходного изображения нам не удалось обнаружить и на «туалетных дисках» из Гандхары. Лишь в Чарсаде известен один диск с изображением девушки, играющей на музыкальном инструменте, обнаруженный в слое I—II вв. н. э.²⁰

Для дисков были характерны изображения мифических существ, божеств, эротические темы. Термезская поделка, помимо характера сюжета, отличается сложностью сцен и тем, что изображение на ней воспроизведено на обеих сторонах, а также формой. Как известно, на дисках изображение помещалось лишь на одной стороне, а сами они по форме напоминают неглубокие чаши с плоским бортом. Изображение вырезалось на «зеркальце» этих чаш, причем занимало оно не всю площадь «зеркальца», а только определенную часть, в зависимости от сюжета. Термезская же поделка имеет с одной стороны выпуклую поверхность, с другой — вогнутую, и само изображение занимает всю поверхность поделки.

Не касаясь происхождения «туалетных дисков», так как этот вопрос подробно рассмотрен в работах французского исследователя А. П. Франкфорта²¹ и пакистанского ученого Дара²², отметим, что термезская поделка бесспорно является продукцией экспорта Гандхары. Это особенно хорошо видно на примере иконографии лютнистки. Как уже упоминалось, подобные изображения были широко распространены в изобразительном искусстве Гандхары кушанского времени. В пользу индийского происхождения говорит и то, что поделка изготовлена из нефрита, который в Средней Азии не встречается, а в Индии его очень много.

Здесь хотелось бы кратко остановиться еще на одном вопросе. Почему на поделке изображены две различные по сюжету и происхождению сцены? В одной из них мы видим влияние гандхарского искусства, в другой — эллинистического. Видимо, поделка была изготовлена по заказу человека индо-греческого происхождения. Но возможен и другой вариант, связанный с самим происхождением «туалетных дисков»

¹² Пугаченкова Г. А. Скульптура Халчяна. М., 1971. С. 72—74.

¹³ Толстов С. П. По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962. С. 123. Рис. 65е.

¹⁴ Ростовцев М. И. Античная декоративная живопись на юге России. СПб., 1913. С. 305—307.

¹⁵ Шелов Д. Б. Античный мир в Северном Причерноморье. М., 1956. С. 150. Рис. 53.

¹⁶ Там же. С. 148. Рис. 52.

¹⁷ Массон В. М., Ромодин В. А. История Афганистана. М., 1964. С. 145; Горелик М. В. Кушанский доспех // Древняя Индия. М., 1982. С. 82—112.

¹⁸ Литвинский Б. А., Седов А. В. Тепан-Шах: Культура и связи кушанской Бактрии. М., 1983. С. 76—77.

¹⁹ Пугаченкова Г. А. Квартал керамистов. С. 139—140. Рис. 39.

²⁰ Wheeler M. Charsada. A Metropolis of the North-West Frontier. Oxford, 1962. P. 22.

²¹ Francfort H. P. Les paletts du Gandhara // MDAFA. T. 23. Paris, 1979.

²² Salfur Rahman Dar. Toilet trays from Gandhara and Beginning of Hellenism in Pakistan // Journal of Central Asia. Vol. 2. 1979.

в Гандхаре. По мнению большинства исследователей, они появились на Востоке в результате влияния эллинистических традиций, особенно Египта. Поэтому первоначальные изображения на «туалетных дисках» Гандхары были эллинистического характера. Позднее, в результате влияния местных культурных традиций, в изображениях появились индийские элементы, а затем получили распространение диски с изображениями преимущественно индийской тематики.

Перед нами, видимо, тот сложный исторический период, когда происходил интенсивный процесс слияния двух культурных традиций — Востока и Запада. Вероятно, именно этим объясняется изображение на поделке из Термеза двух разнообразных по происхождению сцен. Этот процесс синкретизации двух культур, по всей видимости, происходил во II в. до н. э. — I в. н. э. Именно на этот период падает и широкое распространение «туалетных дисков».

Датировка же термезской поделки может быть определена не ранее, чем I в. н. э., а скорее всего, ближе ко II—III вв. н. э. На это указывают сама техника исполнения, стиль изображения, поза женщины, форма лотия, которые находят близкие аналоги в коропластике, монументальной скульптуре, живописи Средней Азии и Гандхары I—III вв. Форма меча также не противоречит предложенной датировке. Как уже отмечалось выше, аналогичные по форме мечи изображены на монетах Хувинки и Васудевы, которые правили в конце II—III в. н. э. На монетах более ранних кушанских правителей (Вима Кадфиз, Канишка) мечи изображены широкими и массивными. Опираясь на эти доводы, можно заключить, что «туалетные диски» продолжали существовать вплоть до III в. н. э., как это допускает и пакистанский ученый Дар²³. Естественно, со временем изображения на них менялись в соответствии с художественными запросами населения. Однако нередко мастера прибегали к изображению древних сцен в память о минувших временах, что, возможно, мы и видим на примере термезской поделки.

Надо отметить и еще одно обстоятельство: все найденные на территории Северной Бактрии диски относятся к позднекушанскому времени и даже к раннему средневековью. Что это — случайность, или они действительно сохранились до столь позднего времени? Нам представляется, что отдельные из них, видимо, были найдены в переотложенных слоях. Тем более, что неизвестно ни одного диска, происходящего из Гандхары, из слов поры раннего средневековья. К тому же отдельные исследователи, в частности Франкфорт, отмечают резкое сокращение количества дисков уже к раннекушанскому времени²⁴.

О назначении «туалетных дисков» пока трудно сказать что-либо определенное. Одни исследователи полагают, что они могли служить для красок, притираний и т. д.²⁵ Другие связывают их с каким-то культом²⁶. Пожалуй, это ближе к истине. Но вполне возможно, что часть дисков действительно использовалась для притираний, другая — для украшений или иных целей. Термезская поделка могла служить либо культовым предметом, либо своеобразным украшением.

Находка этой поделки позволяет уточнить особенности развития памятников гандхарского искусства малых форм, а обнаружение ее на территории Северной Бактрии указывает на теснейшие экономические и культурные связи данной области с Северо-Западной Индией. Техника ее исполнения указывает на высокий профессиональный уровень резчика-каменотеса, который на сравнительно небольшой площади в мельчайших подробностях воспроизвел сложные сцены. Глубокий рельеф и линейно-графическая манера исполнения усиливают впечатление объемности. Все это придает изображению динамизм и жизненный реализм. Явно, что мастер в совершенстве владел всеми тонкостями своего ремесла, хорошо знал морфологическую структуру камня данной породы, его пластические свойства (твердость его равна 2—3 по 10-балльной шкале Мооса).

По мнению М. Халлада, «туалетные диски» с эллинистическими изображениями, отличающиеся высокой техникой исполнения, являются импортными, остальные же, с более упрощенной техникой выполнения — гандхарскими²⁷. Однако наличие на термезской поделке изображений и эллинистического, и индийского характера, одинаково выполненных в высокохудожественных традициях античного времени, противоречит данному мнению.

Ш. Р. Пидаев

²³ Salfur Rahman Dar. Op. cit. P. 143.

²⁴ Francfort H. P. Op. cit. P. 92—94.

²⁵ Пугаченкова Г. А. Квартал керамистов. С. 140.

²⁶ Salfur Rahman Dar. Op. cit. P. 148—149.

²⁷ Hallade M. Gandharan Art of North India and the Greco-Budhist Tradition in India, Persia and Central Asia. New York, 1968. P. 27.

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

«СИЛСИЛАТ АС-САЛАТИН» КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

«Силсилат ас-салаatin» — редкий и ценный источник по истории народов Средней Азии и соседних стран зарубежного Востока XVI — начала XVIII в. Тем не

менее он стал известен совсем недавно¹. Составлен он в 1143/1730—31 г. в Индии выходящем из Средней Азии хаджи Мир Мухаммад Салимом. Хотя «Силсилат ас-салатин» посвящен политической истории Средней Азии и ее взаимоотношениям с Индией, Ираном, Афганистаном и Турцией, однако он содержит и много оригинальных сведений по экономике, культуре и географии средневековой Средней Азии.

В источнике приводятся сведения о таких феодальных институтах, как суюргал, икта, танхак, вакф, о строительстве культовых (мечетей, медресе, ханаках, надгробий), гражданских (караван-сараяв, чар-су, сардаба, чарбагов), памятных (башни и т. д.) сооружений. Большое значение имеют данные о населенных пунктах, караванных путях и т. д. Заслуживают внимания отдельные сообщения о видных шейхах, богословах и др.

Так, излагая историю приезда в Мазераннахр Аштарханида хаджи Пармухаммад-хана при Шейбаниде Искандар-хане (968/1561—991/1583), автор сообщает, что бухарский хан якобы предложил Пармухаммаду вместе управлять страной, однако тот отказался. После этого Искандар-хан «выделил [ему] в качестве суюргала некоторые обработанные земельные участки в [некоторых] районах страны»². Характерно, что хаджи Пармухаммад-хан был наделен правом использовать доходы от этих земель только для своих нужд, полностью освобожден от налогов и повинностей³.

Хотя в сочинении не указано, где именно находились эти участки, можно предположить, что они были выделены в области Мианкаль. По словам Мир Мухаммад Салима, последний представитель Шейбанидов на бухарском троне Пармухаммад-хан (1006/1598—1009/1601) в 1008/1599 г. закрепил эту область за Пармухаммад-ханом в виде суюргала⁴. А после смерти последнего в период правления Аштарханида Баки Мухаммад-хана (1009/1601—1013/1605) «эта область была пожалована его потомкам в качестве суюргала»⁵. И при Аштарханиде Абд ал-Азиз-хане (1055/1645—1092/1681) Мианкаль считался суюргалом (икта) правнуков Пармухаммад-хана — Кабул Мухаммад-султана и Турсун Мухаммад-султана⁶.

Пожалование икта (суюргала) зависело от решения верховного правителя. Например, он мог пожаловать сразу несколько областей. Об одном из таких случаев (правда, не в Бухарском ханстве) в сочинении говорится следующее. Правитель Сефевидского Ирана, шах Аббас I (995/1587—1038/1629) активно поддерживал Рустам-султана, сына аштарханидского хана Вали Мухаммада (1013/1605—1020/1611) в его избегах на Балх. После того, как этот царевич в 1022/1613 г., потерпев поражение от бадхского войска, бежал в Герат, шах приказал своему гератскому наместнику выделить аштарханидскому султану «в качестве суюргала области Убех, Шафелан и некоторые другие местности»⁷.

Суюргаль (икта) жаловались по различным причинам. Например, рассказывая о взаимоотношениях Бухарского ханства и Хорезма первой половины XVII в., Мир Мухаммад Салим упоминает такой случай. В 1052/1642 г. в Бухару прибыли хивинские послы, чтобы зручиться военной помощью у Аштарханида Надр Мухаммад-хана (1051/1642—1055/1645). Последний удовлетворил их просьбу. Кроме того, хивинским послам, которые по политическим мотивам не могли возвратиться на родину, хан «выделил плодородные иктовые земли в селе Вапкенд», где они и поселились. По словам автора «Силсилат ас-салатин», эта икта оставалась за их потомками и в годы составления упомянутого сочинения⁸.

В «Силсилат ас-салатин» имеются некоторые данные об институте вакф⁹. В ча-

¹ Подробнее см.: Ахмедов Б. А. Историко-географическая литература Средней Азии XVI—XVIII вв.: Письменные памятники. Ташкент, 1985. С. 101—110; Зияев А. Х. «Силсилат ас-салатин» о политическом положении Бухарского ханства середины XVII в. // Общественные науки в Узбекистане. 1989. № 8. С. 44—46.

² Силсилат ас-салатин, л. 124б. Суюргал как категория землевладения возник на рубеже XIV—XV вв. и в основном был наследственным, с предоставлением его владельцу налогового и административно-судебного иммунитета. В XVI—XVII вв. термин «суюргал» употреблялся в источниках в одном значении с термином «икта» и оба означали условное земельное пожалование членам правящего дома, султанам, военачальникам, государственным деятелям за особые заслуги перед тронном, с предоставлением им экономических и административно-судебных прав. (Подробнее см.: Абдураимов М. А. Очерки аграрных отношений в Бухарском ханстве в XVI—первой половине XIX в. Т. 2. Ташкент, 1970. С. 100—112; Ахмедов Б. А. История Балха. Ташкент, 1982. С. 134—140).

³ Силсилат ас-салатин, л. 124б.

⁴ Там же, л. 160б.

⁵ Там же, л. 163а.

⁶ Там же, л. 286б.

⁷ Там же, л. 187б.

⁸ Там же, л. 209б.

⁹ Вакфом именовалось движимое и недвижимое имущество (земли, каналы, мельницы, лавки, караван-сарай и т. д.), завещанное государем или другими лицами в пользу религиозных учреждений — мечетей, медресе, благотворительных учреждений и т. д. (Подробнее см.: Абдураимов М. А. Очерки... Т. 2. С. 63—78).

стности, сообщается, что Шейбанид Абд ал-Азиз-хан (947/1540—957/1550) обратил в вакф свою богатейшую библиотеку, «которая была весьма известна в то время и ею пользуются ученые до сих пор»¹⁰, т. е. в первой половине XVIII в.

Заслуживают внимания сведения о превращении в вакф различных материальных ценностей. По словам Мир Мухаммад Салима, вскоре после восшествия на престол Бухары, в 1009/1601 г., Аштарханиду Баки Мухаммад-хану удалось изгнать из Балха последних представителей Шейбанидов и их сторонников. Некоторые из них прибыли в Исфахан к шаху Аббасу I. Среди привезенных ими подарков шаху «был кусок бесценного алмаза (алмас)»¹¹.

Историю этого драгоценного камня Мир Мухаммад Салим излагает следующим образом. В 951/1544 г., потерпев поражение от афганца Шер-хана, правитель Индии Бабурид Хумаюн (937/1530—947/1540; вторично — 962/1555—963/1556) обращается за поддержкой к Сефевиду Тахмаспу I (930/1524—984/1576). В качестве подарка шаху он преподнес крупный алмаз, взятый им из государственной казны. Впоследствии тот алмаз попал в руки Шейбанида Абд ал-Му'мина (уб. в 1598 г.), когда он завоевал Хорасан. А когда некоторые шейбанидские эмиры из-за натиска Баки Мухаммад-хана вынуждены были покинуть Балх, они прихватили с собой этот драгоценный камень и, прибыв в Андхуд, отдали его находившемуся там Мухаммад Салим-султану, сыну Пирмухаммад-хана. Последний же, отправившись в Иран, как отмечалось выше, подарил этот алмаз шаху Аббасу I. По словам Мир Мухаммад Салима, стоимость алмаза равнялась 30 тыс. мискалей¹² золота. Продав его за такую цену, шах купил различное имущество и земельные участки и обратил их в вакф гробницы имама Али¹³.

Интересны и сведения «Силсилат ас-салатин» о возведении в городах Средней Азии и Северного Афганистана в XVI—XVII вв. культовых зданий и других сооружений.

При Шейбаниде Абд ал-Азиз-хане, по свидетельству автора, строительству религиозных учреждений было уделено особое внимание. Немалые средства выделял на эти цели сам хан. Так, по его велению было построено множество вакуфных сооружений, в том числе мечетей, медресе, среди которых Мир Мухаммад Салим выделяет медресе близ ворот шейх Джалал, соборную мечеть и ханаках (дервишская обитель) в местности Джуйбар, к западу от Бухары¹⁴. По его же приказу в 951/1544 г. была построена гробница для шейха Джалала, духовного наставника хана¹⁵.

Излагая историю Абдаллах-хана II (991/1583—1006/1598), Мир Мухаммад Салим пишет, что хан, «очистив от сора недругов» территорию до Улуг-тага и Кичик-тага, приказал построить минарет рядом с аналогичным сооружением, воздвигнутым Тимуром на одной из этих гор. Поскольку Тимур в свое время запечатлел на башне слова: «Если кто-нибудь из витязей арены сражения после нас захватит эти страны, то и в царствовании возвысится на подобные высоты», Абдаллах-хан велел написать на минарете следующее: «Кто достигнет этих мест, пусть помянет нас доброй молитвой»¹⁶.

В 985/1577 г. по приказу Абдаллах-хана в Бухаре был построен караван-сарай, который имел шесть ворот. А в год своего официального восшествия на трон (991/1583) хан приказал возвести в Бухаре крытый рынок. По словам автора, это было великолепное сооружение, торговля шла здесь всегда оживленно¹⁷. Вообще при Абдаллах-хане было построено множество мечетей, медресе, ханаках, мавзолеев и т. д. География этих сооружений обширна: Мавераннахр, Хорасан, Туркестан, Дашт-и Кипчак¹⁸. Мир Мухаммад Салим утверждает, что, еще будучи главнокомандующим войсками страны, Абдаллах-хан способствовал строительству 1001 караван-сарая, 1001 сардаба и других сооружений. Например, в 964/1557 г. в Кермине, в месте жительства Касым Шейха Азизан, были возведены «великолепный ханаках и мечеть»¹⁹.

Преемник Абдаллах-хана II Абд ал-Му'мин-хан, известный своей агрессивностью и жестокостью, тем не менее позаботился о том, чтобы в Балхе, где он в течение определенного времени (991/1583—1006/1598) находился в качестве престолонаследника, воздвигались различные сооружения. Среди них в «Силсилат ас-салатин» упоминаются портал и купол над мазаром ходжа Абу Наср Парса, портал балхского

¹⁰ Силсилат ас-салатин, л. 1216.

¹¹ Там же, л. 164а.

¹² Один мискал = 4,8—5,0 г.

¹³ Силсилат ас-салатин, л. 164а, б.

¹⁴ Там же, л. 120б.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же, л. 125б.

¹⁷ Там же, л. 127б.

¹⁸ Там же, л. 147б.

¹⁹ Там же. Касым Шейх Азизан — один из видных шейхов, сыгравший заметную роль в политической жизни Мавераннахра XVI в. Родом из Кермине. Умер в 986/1578 г. (Подробнее о нем см.: Тазкират ал-авлие, ркп. ИВ АН УзССР, инв. № 7017, л. 866—876).

арка, некоторые сооружения на мазаре ходжа Уккаша, свод крытого рынка Баба Джанбаз²⁰.

Интересны данные «Силсилат ас-салатин» о расширении балхской крепости. Особое внимание было уделено укреплению западной и южной ее частей. На этих работах были заняты и поденщики (маздурон). Контроль над ними был очень строгий. Того, кто проявлял нерадивость, пишет Мир Мухаммад Салим, вместо глины и кирпича закладывали в стену. Их скелеты обнаруживались в разрушенных частях стены и через полтора века, т. е. в годы составления этого труда. По словам историка, работы продолжались в течение года и завершились в 995/1586 г. В результате длина крепостного вала достигла 20 тыс. шагов (около 14 км)²¹.

К периоду правления Аштарханидов по рассматриваемому вопросу относятся следующие сведения. Соборная мечеть шейх Шане в Бухаре была построена по приказу Баки Мухаммад-хана²². Здесь же упомянут «великолепный чарбаг», возведенный в Балхе. Другой Аштарханид, Вали Мухаммад-хан приказал соорудить несколько чарбагов вокруг мазара имама Али, получивших затем широкую известность²³. Мир Мухаммад Салим сообщает о двух чарбагах, воздвигнутых в Мекке по велению Имамкули-хана (1020/1611—1051/1642)²⁴.

В медресе, построенном по велению Надр Мухаммад-хана в Балхе в 1021/1612 г., получали знание богословы, ученые, каллиграфы и другие деятели культуры²⁵. 15 шабана 1070/26 апреля 1660 г., в период владычества в Балхе Субханкули-султана, напротив мазара ходжа Абу Наср Парса было начато строительство другого медресе. Мир Мухаммад Салим сообщает, что его первый кирпич положил ходжа Абд ал-Гаффар, второй — Мир Мухаммад Аля, третий — Ага-хан Азизан. А кирпичи и глину этим лицам подавал сам Субханкули-султан²⁶. Два великолепных медресе были построены в годы царствования Абд ал-Азиз-хана²⁷.

Особо отметим богатый географический материал, приведенный в «Силсилат ас-салатин». Мир Мухаммад Салим называет десятки населенных пунктов, иногда указывая их точное местоположение. Например, Харгун — в полуфарсах (3—3,5 км) от Мешхеда, Пул-и салар — в четырех фарсах (24—28 км) от Герата (л. 1596), Давлатабад — в 3,5 фарсах (18—20 км) от Исфahanа (л. 1766), Джизменд — в полуфарсах (3—3,5 км) от Бухары (л. 202а), Аксарай — в четырех курухах (8 км) от Кундуза (л. 233а), Паласпуш — в одном фарсах (6—7 км) от Балха (л. 2336), Банд-и хап — в четырех фарсах (24 км) от Мерва (л. 2496). Небезынтересны и данные сочинения (л. 1256) о площади Дашт-и Кипчака — в длину 1000 фарсахов (600 км), в ширину — 600 фарсахов (360 км).

Привлекают внимание сведения «Силсилат ас-салатин» о пяти дорогах, связывавших Балх с Кабулом. Мир Мухаммад Салим пишет, что «от купола ислама Балха до Кабула известны всего пять дорог, по которым передвигаются караваны торговцев и курьеры»²⁸. Это — Баджгах, Буйни Кара, Гурская, Айбакская и Кундузская дорога. Самая короткая — Гурская — была равна 98 курух-и джариби, т. е. 460 км.

Здесь один курух равен 4,8 км, а не 2 км, как было принято обычно. Мир Мухаммад Салим сообщает, «что расстояния между Балхом и Кабулом, если проехать по дороге Баджгах, составляет почти 55,5 фарсах, каждый фарсах которого равен 9750 газ-и баззаси, или 114 курух-и джариби, каждый курух-и [джариби] которого равен 5000 газ-и баззаси, каждый газ-и баззаси которого равен 42 ангуштам»²⁹. При арифметическом подсчете (для чего исходной цифрой был взят размер ангушта в пределе 2,28 см³⁰), мы получили следующие данные: один газ-и баззаси равен 95,76 см, один курух-и джариби — 4788 м (4,8 км), один фарсах — 9347 м (9,3 км)³¹. Таким образом, протяженность упомянутых пяти дорог от Балха до Кабула составляла: 1) Баджгах — 55,5 фарсах, или 114 курух-и джариби (516—547 км); 2) Буйни Кара — 123 курух-и джариби (590 км); 3) Гурская — 98 курух-и джариби (460 км); 4) Айбакская — 103 курух-и джариби (494 км); 5) Кундузская — 140 курух-и джариби (672 км). «Силсилат ас-салатин» содержит обширную информацию о населенных пунктах, расположенных на этих путях, расстояниях между каждым из этих пунктов. Указаны и времена года, когда можно начинать передвижение по этим дорогам, и т. д. (л. 230а—231а).

Сведения «Силсилат ас-салатин» о видных богословах, деятелях науки и куль-

²⁰ Там же, л. 155 аб.

²¹ Там же, л. 1155б. 12 000 шагов равны одному фарсаху (примерно 8,5 км). См.: Давидович Е. А. Материалы по метрологии средневековой Средней Азии. М., 1970. С. 117, 120.

²² Силсилат ас-салатин, л. 1686.

²³ Там же, л. 170а.

²⁴ Там же, л. 204а.

²⁵ Там же, л. 265 аб.

²⁶ Там же, л. 269б.

²⁷ Там же, л. 296б.

²⁸ Там же, л. 230а.

²⁹ Там же, л. 230б.

³⁰ См.: Давидович Е. А. Материалы... С. 109.

³¹ В упомянутой работе Е. А. Давидович приведены разные размеры фарсах,.

туры по своему объему не одинаковы. Иногда автор ограничивается только упоминанием того или иного лица по какому-то случаю. Так, видный богослов хаджа Убайдаллах Ахрар (806/1404—895/1490) дал свое имя Шейбаниду Убайдаллах-хану (род. в 892/1486 г.). Наставниками последнего были: по чтению Корана — маулана Иармухаммад, по хадису — Рузбехан Исфакхани, прозванный имамом Бухара-йи сани, по фихху — маулана Махмуд Азизан, по каллиграфии — маулана Мир Али³².

Сочинение содержит также ценную информацию об одном направлении каллиграфической школы Средней Азии. Упомянутый выше Мир Али был учеником маулана Зайн ад-Дин Махмуда, а последний учился у маулана Султан Али Мешхеда. Своеобразная «генеалогия» этой школы выглядит так: маулана Мир Али — маулана Зайн ад-Дин Махмуд — маулана Султан Али Мешхеда — маулана Азхар — маулана Джа'фар ас-Саттар — хаджа Мир Али Табризи³³.

Наставником (муршидом) Шейбанида Абд ал-Азиз-хана, как явствует из «Силсилат ас-салатин», был шейх Джалал. В сочинении имеются сведения об учителях последнего. Их «генеалогия» такова: шейх Джалал — Шамс ад-Дин Мухаммад Рухи — маулана Са'ад-Дин Кашгари — маулана Низам ад-Дин Хамуш — Хаджа Ала'ад-Дин Аттор — хаджа Баха ад-Дин Накшбанд³⁴.

В сочинении упомянуты также поэты: Тураби, Нахли, Мушфики (л. 1266, 1276, 1966, 197а, 1986), ученый и надим Аштарханида Имамкули-хана, маулана Йусуф Карабаги, деятели науки и культуры: маулана Суфи, хаджа Иадгар и др. (л. 197а, 2956, 296а).

В целом материалы «Силсилат ас-салатин» проясняют многие ранее неизвестные и малоизвестные аспекты истории и истории культуры народов Средней Азии и сопредельных стран зарубежного Востока XVI—начала XVIII в., и этот источник несомненно заслуживает дальнейшего глубокого изучения историками, востоковедами, филологами и др.

А. Зияев

использовавшиеся в Средней Азии: 8,5; 9,5; 9,253 км (С. 120).

³² Силсилат ас-салатин, л. 1166—117а.

³³ Там же, л. 117а.

³⁴ Там же, л. 1206.

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

К 60-ЛЕТИЮ К. И. ИВАНОВОЙ

Исполнилось 60 лет со дня рождения декана философско-экономического факультета ТашГУ им. В. И. Ленина, доктора философских наук, профессора Калерии Ивановны Ивановой.

К. И. Иванова родилась 11 сентября 1930 г. в Костромской области в семье рабочего. В 1954 г. окончила философский факультет ЛГУ и была направлена в САГУ (ныне ТашГУ им. В. И. Ленина) преподавателем философии. В 1963 г. без отрыва от основной педагогической работы она защищает кандидатскую диссертацию, посвященную исследованию категорий материалистической диалектики в свете ленинского философского наследия и особенностей развития современной науки, а в 1976 г. — докторскую диссертацию, посвященную исследованию особенностей функционирования принципов и категорий диалектического материализма (детерминизма, причинности) в системе фундаментальных наук. В 1977 г. К. И. Иванова была утверждена в звании профессора.

К. И. Иванова — известный специалист по проблемам детерминизма и теории познания. Ей принадлежит разработка ряда актуальных вопросов теории материалистической диалектики, а также организации исследований важных логико-методологических проблем. Изучая специфику функционирования физической, математической, химической, биолого-кибернетической форм детерминации и причинной обусловленности, К. И. Иванова внесла заметный вклад в разработку научного языка причинного описания перечисленных сфер знания, что позволило обогатить содержание отмеченных принципов и категорий. Определенным вкладом в разработку теории материалистической диалектики являются исследования К. И. Ивановой по проблемам природы философских и общенаучных принципов, их роли в раскрытии единства мира и единства научного знания.

Исследования К. И. Ивановой специфики причинных связей в системе современного химического знания до сих пор остаются по сути единственными в отечественной философии.

Результаты ее исследований нашли отражение в таких монографиях, как «Принцип причинности в системе принципов научного познания», «Ленин о причинности и критика неопозитивизма», «Современный детерминизм в науке», «Диалектика законов и принципов» и др. Всего перу К. И. Ивановой принадлежит более 50 научных трудов, в том числе 11 монографий, а также брошюры, статьи, учебные пособия и т. д., получившие высокую оценку в советской печати.

Қ. И. Иванова вносивт активний вклад в подготовку специалистов высшей квалификации. Под ее руководством защищены 3 докторские и более 20 кандидатских диссертаций.

Қ. И. Иванова ведет большую научно-организационную работу как декан философско-экономического факультета ТашГУ им. В. И. Ленина, руководитель и член ряда проблемных, научных Советов и др. Она является председателем методсовета по философии при Минвузе УзССР, членом методсовета при философии при Госкомитете народного образования СССР.

Қ. И. Иванова была участницей многих республиканских, общесоюзных и международных научных форумов в Ташкенте, Москве, Дубне, Ленинграде, Киеве и др.

Член КПСС Қ. И. Иванова активно участвует в общественной жизни. Она была секретарем партийного комитета ТашГУ им. В. И. Ленина по научной и учебной работе, является членом Бюро Философского общества Узбекистана. Преподаватель и лектор высокой квалификации, она систематически выступает с лекциями и докладами перед трудящимися и студенческой молодежью.

Активное участие Қ. И. Ивановой в подготовке молодых специалистов отмечено почетными грамотами Министерства высшего и среднего специального образования УзССР, Почетной грамотой Президиума Верховного Совета УзССР, медалью «За трудовую доблесть» и т. д. В 1981 г. за цикл работ по материалистической диалектике Қ. И. Ивановой вместе с группой ученых республики присвоено звание лауреата Государственной премии Узбекской ССР им. Беруни.

Научная общественность республики желает Калерии Ивановне крепкого здоровья, счастья и новых творческих свершений.

В. М. БИКРИЦКИЙ ТАВАЛЛУДИНИНГ 60 ЙИЛЛИГИГА

Халқлар дўстлиги орденли Тошкент қишлоқ хўжалиги олийгоҳи марксча-ленинча фалсафа кафедрасининг мудир, тарих фанлари доктори, профессор Владимир Матвеевич Бикрицкий таваллуд топган кунининг 60 йиллиги, илмий-педагогик фаолиятининг 35-йиллигини ижодий куч-қувватга тўлган ҳолда кутиб олди.

Устозининг ҳаёт йўли серқирра ва сермазмундир. Унинг ҳар қанча ҳавас қилса, ўрناк олга арзигудек таржиман ҳоли бор.

1930 йил 7 августда Украинанинг Глухова шаҳрида туғилган В. М. Бикрицкий ўзининг онгли ҳаёти ва фаолиятини Тошкентда бошлади ва Ўзбекистон фарзанди бўлиб қолди.

1953 йилда Урта Осиё дорилфунунини аъло баҳоларга тугатиб, меҳнат фаолиятини Тошкент қишлоқ хўжалиги олийгоҳи фалсафа кафедрасида ассистент лавозимида бошлади. 1959 йилда фан помзоди илмий даражасини олишга мушарраф бўлди. Сунгра кафедра доценти, 1975 йилдан кафедра мудир бўлиб ишламоқда. В. М. Бикрицкий 1974 йилда фан доктори, 1976 йилда профессор илмий унвонларини олди.

В. М. Бикрицкий жумҳуриятимизда олий маълумотли қишлоқ хўжалиги мутахассислари тайёрлаш ишига жуда катта ҳисса қўшиб келаётган олимларимиздан. Унинг совет ва чет эл мутахассислари малакасини оширишда ҳам муносиб улуши бор. Яъни Бирлашган Миллатлар Ташкилоти курсларида ҳам лекциялар ўқиган. Қолаверса Ўзбекистон ССР Нозирлар Кенгаши қошидаги малака ошириш институти, Тошкент Давлат дорилфунуни қошидаги ижтимоий кафедра ўқитувчилари малакасини ошириш институтларида муҳим масалалар бўйича махсус курслар ўқиган. 1979 йилдан бошлаб Тошкент вилоят партия қўмитаси қошидаги кечки марксизм-ленинизм университети фалсафа кафедрасига мудирлик қилмоқда. Бу билан етук пропагандист ва маърузачилар тайёрлаш ишига муносиб ҳисса қўшиб келмоқда.

В. М. Бикрицкийнинг номи таниқли олим, тажрибали муаллим, оташин пропагандист, меҳир маърузачи, меҳрибон устоз сифатида жумҳуриятимиз миқёсида ҳам машҳурдир.

Тошкент Давлат дорилфунуни қошидаги докторлик диссертациялари бўйича махсус илмий кенгаш аъзоси сифатида илмий-педагогик кадрлар тайёрлашда ҳам унинг хизмати катта.

В. М. Бикрицкий жумҳурият, вилоят, ноҳия ва олийгоҳимиз ижтимоий-сиёсий ҳаётида ҳамшира фаол иштирок этиб келмоқда. У Ўзбекистон ССР «Билим» жамияти ижтимоий фанлар тарғиботи бўлими аъзоси, олийгоҳ партия қўмитаси котиби ўринбосари, илмий кенгаш аъзосидир. Олимнинг кўп йиллик илмий тадқиқот ишлари «Меҳнатқашлар илмий дунёқарашининг шаклланиши ва ахлоқий тарбияси» номли монографиясида, икки ўқув қўлланма, 12 брошюра ва бирқатор мақолаларда ўз ифодасини топган.

В. М. Бикрицкий сиёсий етук, ахлоқий пок, юксак маданиятли, ўта меҳнатқаш камтарини инсон ва оташин коммунист сифатида ҳамкасбларни, ёр-дўстлари, шоғирдлари меҳр-муҳаббатини қозонган инсондир.

В. М. Бикрицкий «Самарали меҳнати учун», «В. И. Ленин туғилган кунининг 100 йиллиги», «Меҳнат ветерани» медаллари, Ўзбекистон ССР Олий Кенгаши Президиуми Фахрий ёрлиқлари билан мукофотланган.

Дарёлар кишин-ёзин тўхтамай эл-юртга об-ҳаёт элтади, булоқлар ҳам ана шуни-дай олижаноб мақсадда кеча-куидуз тиним билмайди. Владимир Матвеевич ҳам олижаноб мақсадлар сари самарали меҳнат қилаётган қалби дарё устоз мураббийлардан-дир. Биз устозимизни у тарбиялаб етиштирган шогирдлари номидан қутлуғ юбилейлари билан самимий қутлаймиз.

Саломат бўлинг устоз!

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

М. МИРХАМИДОВ. ПОСТПРЕДСТВО УПОЛНОМОЧЕНО СООБЩИТЬ...

(Ташкент: Узбекистан, 1989. 102 с.)

Издательство «Узбекистан» выпустило недавно книгу М. Мирхамидова «Постпредство уполномочено сообщить...» Работа состоит из введения, трех глав, заключения и приложения (приложен проект Закона о Постоянном представительстве Узбекской ССР при Совете Министров Союза ССР).

В I главе показано, как еще в первые годы Советской власти зарождался и развивался институт представительства мест в Центре, а затем союзных республик — в органах Союза ССР.

Во II главе прежде всего раскрывается место постпредства в системе органов советского государственного управления. Показана роль постпредства в поддержании постоянных контактов между республиканским и союзным правительствами. Отмечается и отрицательное влияние командно-административных методов на содержание этих взаимосвязей в прошлом, когда они во многом носили формальный характер, не обеспечивая подлинно федеративных отношений.

Автор безусловно прав, говоря, что конституционное право каждой союзной республики участвовать в решении вопросов, отнесенных к ведению Союза ССР, впервые закрепленное в ныне действующем Основном Законе страны, повышает роль постоянного представительства в обеспечении принципов советского федерализма.

Деятельность постоянного представительства обеспечивает взаимосвязь данного органа как с органами государственного управления союзной республики, так и с органами Союза ССР. В работе на основе анализа нормативных актов и материалов практики подробно характеризуются функции и полномочия постоянного представительства. Большинство читателей, видимо, впервые ознакомится с этой практикой. Также впервые в книге освещена и структура аппарата постоянного представительства, которая совершенствуется применительно к изменяющемуся характеру взаимоотношений Союза ССР и субъектов федерации.

В III главе автор на конкретных примерах анализирует основные направления деятельности постоянного представительства Совета Министров союзной республики при Совете Министров Союза ССР: в сфере народного хозяйства, социально-культурного и административно-политического строительства.

Автор, не ограничиваясь констатацией сложившейся практики, критически оценивает ее и вносит предложения по совершенствованию правового регулирования деятельности постпредства. В обобщенном виде эти предложения нашли свое отражение в разработанном автором проекте Закона «О Постоянном представительстве Узбекской ССР при Совете Министров СССР». Как видно из самого названия законопроекта, статус Постпредства определяется по-новому: это уже не представительство Совета Министров республики, а представительство самой республики как суверенного государства в составе СССР. Быть может, следовало пойти и дальше, учредив данный орган не при Совете Министров СССР, а в целом — при государственных органах Союза ССР. Такая постановка вопроса, как нам представляется, будет полнее отражать характер взаимоотношений союзной республики и Союза ССР в соответствии с новым Союзным договором и новой Конституцией СССР.

Работа, к сожалению, не свободна и от некоторых недостатков. Искажена, например, цитата из доклада М. С. Горбачева на XIX Всесоюзной конференции КПСС (с. 5). Редактор, либо корректор, просмотрели грубую опечатку на с. 7—8.

Спорно утверждение автора о том, что II сессия Бухарского ЦИК в соответствии с постановлениями курултаев Советов БНСР, ХНСР и Чрезвычайной сессии ЦИК Туркестанской АССР образовала 18 ноября 1924 г. Революционный Комитет Узбекской Советской Социалистической Республики, который «являлся временным правительством Узбекской ССР — до (выделено нами.— В. С.) созыва учредительного съезда Советов УзССР» (с. 17). В сборнике документов «История Бухарской Народной Советской Республики (1920—1924 гг.)» (Ташкент: Фан, 1976. С. 459) можно ознакомиться с постановлением ЦИК Советов Туркестанской, Бухарской и Хорезмской республик от 18 ноября 1924 г. «Об организации Временного правительства УзССР», в пункте 1 которого сказано: «Для временного управления Узбекской республикой, для (выделено нами.— В. С.) созыва учредительного съезда Советов Узбекской республики и проведения организационных мероприятий организовать Ре-

волюционный Комитет Узбекской ССР...» Заметим попутно, что к названной дате Бухарская и Хорезмская народные республики были преобразованы в социалистические.

На с. 22 дата образования Таджикской ССР обозначена не 1929, а 1928 г. На с. 24 автор пишет, что 31 декабря 1945 г. СНК УзССР принял новое «Положение о Постоянном представительстве УзССР при Совете Народных Комиссаров Союза ССР». На самом же деле 31 декабря 1945 г. нового Положения не принималось, а были внесены изменения в Положение, утвержденное 23 сентября 1939 г.

Можно сожалеть и о том, что вне поля зрения автора осталась резолюция XIX партконференции «О межнациональных отношениях». Не высказана его точка зрения о возможности учреждения постоянных представительств одних союзных республик в других.

В целом же проведенное М. Мирхамидовым исследование представляет несомненный интерес как для специалистов, так и для всех интересующихся проблемой взаимоотношений союзных республик с органами Союза ССР.

В. Н. Стасько

НОВЫЕ КНИГИ

Ж. А. ЗАЙЧЕНКО. КЛАССОВАЯ БОРЬБА В УЗБЕКСКОМ КИШЛАКЕ (1925—1929)

(Ташкент: Узбекистан, 1989. 88 с.)

В нашей печати уже неоднократно отмечалось, что в истории советского общества еще много «белых пятен», причем в значительной мере они относятся к 20—30-м годам. В этой связи наше внимание привлекает каждое новое исследование, посвященное истории указанного периода. К их числу относится и работа Ж. А. Зайченко, в которой освещается классовая борьба в узбекском кишлаке в 1925—1929 гг. и прежде всего роль Компартии Узбекистана по мобилизации трудового дехканства на борьбу с сельскими эксплуататорами в процессе проведения земельно-водной реформы и раскрепощения женщин в республике.

Работа состоит из введения, четырех разделов и заключения.

В первом разделе раскрываются значение ленинского учения о классовой борьбе и ликвидации эксплуататорских классов в переходный период и его роль применительно к своеобразным условиям Средней Азии. При этом автор особо подчеркивает, что В. И. Ленин настойчиво рекомендовал коммунистам республик Советского Востока не копировать слепо тактику, применяемую в условиях Центра, а самостоятельно разрабатывать ее и обдуманно видоизменять с учетом специфики местных условий. Автор подчеркивает, что ленинские мысли имеют принципиальное значение для уяснения форм и методов классовой борьбы, развернувшейся в исторических условиях того времени. Они были положены коммунистами Узбекистана в основу всей своей деятельности по строительству социалистического общества, в том числе в ходе ликвидации местных эксплуататорских классов.

На конкретных материалах в работе показано, как партийные организации республики при выработке форм и методов борьбы против сельских эксплуататоров исходили из ленинского указания о необходимости использования посредствующих путей и средств при осуществлении революционно-демократических и социалистических преобразований в кишлаке. Приведенные в монографии факты наглядно раскрывают формы и методы борьбы байских элементов против мероприятий партии по проведению земельно-водной реформы, раскрепощению женщин-деханок и вовлечению их в социалистическое строительство.

Довольно подробно освещены хозяйственно-организаторская и политическая работа Коммунистической партии Узбекистана и правительства республики, деятельность низовых кишлачных общественных организаций, рабочих-шефов и наиболее сознательной части трудового дехканства по ликвидации помещичьего и байского землевладения в республике.

Немало места посвящено решению задач политического характера (укрепление и усиление влияния партийных, советских и других низовых кишлачных организаций, повышение сознательности трудового дехканства, укрепление союза рабочего класса с беднотой и середнячеством), поэтапному проведению земельно-водной реформы с анализом ее экономических и политических итогов, а также раскрепощению женщин-узбечек и вовлечению их в производственную и общественно-политическую жизнь кишлака.

Книга рассчитана на историков, пропагандистов, преподавателей и студентов вузов, а также всех интересующихся историей Советского Узбекистана переходного периода.

Г. В. Мачиц

ХРОНИКА

РАБОЧЕЕ СОВЕЩАНИЕ ПО ПРОБЛЕМАМ ВОСТОЧНОЙ АРХЕОГРАФИИ

19—22 марта 1990 г. в Институте востоковедения им. Абу Райхана Беруни АН УзССР прошло рабочее совещание по проблемам восточной археографии. Оно было проведено Узбекским отделением Всесоюзной ассоциации востоковедов и Секцией восточной археографии Археографической комиссии АН СССР как очередное совещание секции (предыдущее состоялось 1—4 марта 1988 г. в Ленинградском отделении Института востоковедения АН СССР).

В работе совещания приняли участие ученые из Ленинграда, Уфы, Махачкалы, Душанбе, Ашхабада, представители ряда научных и культурных учреждений Узбекистана, имеющих и изучающих коллекции восточных рукописей, документов на восточных языках.

На пленарном заседании выступил директор ИВ АН УзССР, доктор ист. наук А. Урунбаев, вкратце рассказавший об истории создания рукописного фонда Института, о проделанной в Институте работе по изучению, публикации и популяризации письменных памятников — ценнейшего духовного богатства народов Средней Азии и зарубежных стран Востока.

Говоря о проблемах, стоящих ныне перед учеными по выявлению, сбору и изучению письменных памятников, А. Урунбаев выделил два направления:

1. По первичной обработке, учету и хранению рукописей: а) составить картоточные каталоги на рукописи так называемого дублетного фонда (в свое время они выделялись в этот фонд из-за нехватки специалистов для их изучения); б) расширить реставрационную мастерскую до уровня обслуживания не только рукописного фонда Института, но и рукописей из всех учреждений республики.

2. По научному описанию и каталогизации: а) осуществить составление тематических каталогов по философии, художественной литературе, истории религии, по которым еще не начаты работы из-за нехватки кадров; б) издать списочные каталоги рукописей на арабском, фарси и тюркских языках для распространения в восточных центрах с целью налаживания контактов и обмена микрофильмами рукописей, а в ближайшем будущем приступить к переводу XI томов каталога «Собрание восточных рукописей АН УзССР» на арабский и английский языки; в) внести в план Института тему «История восточной книги»; г) наладить изучение и издание каталогов и регестов документов на восточных языках.

На совещании было заслушано 36 докладов, посвященных в основном вопросам собственно археографии (сбор, хранение, обработка, каталогизация письменных памятников) и исследованиям источниковедческого характера.

С докладом о первоочередных задачах археографов страны выступил доктор филол. наук А. Б. Халидов (Ленинград), который, в частности, отметил, что в связи с необходимостью более целостного освещения достижений отечественного востоковедения и рукописных собраний Союза ССР за рубежом, в том числе в арабских странах, необходима координация археографической деятельности всех институтов и учреждений, располагающих рукописным фондом. К примеру, только в Ташкенте таковыми являются Институт востоковедения АН УзССР, Институт рукописей АН УзССР, САДУМ (Среднеазиатское духовное управление мусульман).

В докладе Н. М. Бровенко (Ленинград) «Сохранность арабографических рукописей» были даны ценные практические рекомендации по хранению, обработке, правильному обращению с рукописями, санитарной обработке и техническому оснащению хранилищ.

В докладах В. В. Полосина (Ленинград), Д. Х. Гаджиева (Махачкала), Н. Б. Халидова (Ашхабад) рассмотрены вопросы, связанные с составлением аннотированных каталогов и принципами описаний.

Представители отдельных научных и культурных учреждений, имеющих и изучающих коллекции восточных рукописей, выступили с докладами о состоянии у них дела по сбору и хранению восточных рукописных памятников, а также по проблемам археографических экспедиций. Среди выступивших были С. Ж. Джалилов (Андижан), Р. А. Утябаев (Уфа), А. Ашыров (Ашхабад), У. Садыков (Андижан), С. Сотвалдыев (Фергана) и др. В частности, доклад Р. А. Утябаева был посвящен краткому описанию архива Риззатдина Фахретдинова (1859—1936) — одного из видных деятелей науки, культуры, который все свои силы отдал собиранию и сохранению письменных памятников по различным отраслям науки. Им оставлены 40 томов письменных памятников и личная библиотека (более 2000 томов). Говоря о многогранной научной деятельности и рукописном наследии Р. Фахретдинова, докладчик особо подчеркнул их значение в изучении национальных культур и общественной мысли.

Ю. Турсунов рассказал об опыте археографических исследований в Институте рукописей (ИР) АН УзССР.

О рукописях Қораёа, хранящихся в библиотеке САДУМ, сообщил Х. Х. Хикматуллаев (ИВ АН УзССР), а работник библиотеки САДУМ А. Набиев подробно доложил о содержании и состоянии хранения рукописей в библиотеке САДУМ.

Представленные на совещании доклады по источниковедению (исследования письменных памятников по истории, истории культуры и литературы) А. М. Мухтарова, М. Садриддинова, Л. Саламатшасовой (Душанбе), Д. Юсуповой (ИВ АН УзССР), У. Уватова (ТашГУ) и М. Зиявиддиновой (ИР АН УзССР), также в той или иной мере затрагивали проблемы археографии.

Так, А. М. Мухтаров в докладе на тему «К истории орошения Балха» отметил, что на основании исследования двух документов ему удалось внести коррективы в изучение не только системы орошения, но и налоговой системы, системы управления Балха и выявить имена правителей этой области.

В докладе М. Садриддинова на основании исследования «Хафт иклим» Ахмада Рази (XVI в.) приведены неизвестные из других источников данные по литературе, истории и географии Хорасана, Мавераннахра, Индии, арабских стран и Средней Азии. Сведения Ахмада Рази о Ташкенте, как отметил докладчик, представляют большой интерес, раскрывая некоторые малозвестные страницы истории и культуры этого региона.

О результатах исследований вакфных документов, ярлыков и жалованных грамот среднеазиатских ханств XV—XX вв., хранящихся в Собрании ИВ АН УзССР, сообщили М. Юнусходжаева, Г. Астанова, О. Джалилов, А. Шайхова, Г. Джураева.

Б. Бабаджанов (Институт реставрации памятников материальной культуры, Ташкент) изложил некоторые результаты комплексных исследований эпиграфических памятников Узбекистана. Выступившие в прениях по этому докладу отметили актуальность данной проблемы, ибо во многих регионах имеются эпиграфические памятники, требующие своего изучения. Было предложено включить в программу следующих археографических совещаний пункт «Изучение восточной эпиграфики».

Проблемам создания информационно-текстового банка данных восточных рукописей были посвящены доклады А. Куранбекова (ТашГУ) и О. Имамходжаевой (ИВ АН УзССР).

На совещании были заслушаны также доклады А. Я. Соколова, К. Валиходжаевой, М. Ш. Икрамовой и Д. Р. Ибрагимовой (ТашГУ), посвященные актуальным вопросам историографии, истории Афганистана нового и новейшего времени.

На заключительном заседании был принят ряд рекомендаций по актуальным проблемам восточной археографии. В частности, предложено установить тесные связи научных учреждений АН УзССР с музеями литератур в областях республики и при необходимости оказать им консультации по сохранности письменного наследия; возложить на руководство ИВ АН УзССР организацию учета и составления единого картотечного каталога всех частных и государственных коллекций письменных памятников Узбекистана; создать словарь археологических терминов; просить Президиум АН УзССР организовать на базе лаборатории ИВ АН УзССР реставрационную мастерскую; поддержать начатое в ИВ АН УзССР создание банка данных о рукописях и документах; признать необходимым составление кратких списков рукописей на разных языках для информирования о них общественности в СССР и за рубежом; ввести в планы ИВ АН УзССР тему «История восточной рукописной книги»; включить в перспективные планы факсимильное издание рукописей; усилить координацию работы ведущих востоковедных центров страны по подготовке кадров археографов-востоковедов.

Материалы совещания будут опубликованы отдельным изданием. Очередное рабочее совещание по проблемам восточной археографии решено созвать в Ашхабаде (ТуркмССР).

Б. А. Вахабова

НОВЫЕ ПЕРЕДВИЖНЫЕ ВЫСТАВКИ МУЗЕЯ ИСТОРИИ НАРОДОВ УЗБЕКИСТАНА

Научный коллектив Музея истории народов Узбекистана им. М. Т. Айбека АН УзССР в связи с закрытием его здания на ремонт уделяет особое внимание созданию передвижных выставок, посвященных юбилейным датам и важнейшим историческим событиям.

Только за последние месяцы 1990 г. созданы и экспонированы две такие выставки. Одна из них — «История Хорезмской и Бухарской Народных Советских Республик», посвященная 70-летию народных советских революций 1920 г. в Хорезме и Бухаре. Выставка открывается разделом, отражающим социально-экономическое и политическое положение ханств в предреволюционный период. Затем на основе фотоматериалов и документов рассказывается о борьбе трудящихся Хорезма и Бухары за установление народной Советской власти. Большое внимание посетителей вызывают такие фотоматериалы, как «Открытие 1-го Всехорезмского народного курултая», фотокопия Конституции ХНСР, принятой на I Всехорезмском народном курултае, «Делегаты I конференции комитетов бедноты ХНСР», «I комсомольская ячейка в Хиве».

Наряду с ними в разделе, посвященном Хорезмской революции, представлены фотопортреты ряда активных участников борьбы за установление и укрепление мо-

лодой народной власти в Хорезме. В их числе: А. Ибрагимов — командир добровольческого отряда, созданного для борьбы с басмачеством, М. Миршарапов — командир 1-го Хорезмского коммунистического полка, позднее военный вазир (министр) ХНСР и БНСР, Хамза Хакимзаде Ниязи, внесший большой вклад в развитие культуры Хорезма.

Интересные фотоматериалы и копии документов рассказывают о ликвидации Бухарского эмирата и о первых политических, социально-экономических преобразованиях в молодой Бухарской Народной Советской Республике.

Здесь посетителей привлекают фотодокументы: «Митинг в Бухаре после свержения эмирата», «Совместное собрание Бухарского ревкома с представителями Красной Армии», «Члены ревкома БНСР», «Члены правительства БНСР», «Конституция БНСР» и др., а также фотопортреты Садриддина Айни, Фитрата, которые многое сделали для развития культуры.

Выставка завершается материалами, повествующими о помощи РСФСР ХНСР и БНСР, о первых успехах трудящихся этих молодых республик на начальном этапе некапиталистического развития, о проведении национально-государственного размежевания Средней Азии и образовании УзССР.

Вторая передвижная выставка — «Ташкент в конце XIX — начале XX в.» посвящена раскрытию основных аспектов политической и социально-экономической истории и градостроительства в Ташкенте. Здесь впервые показаны общие виды всех четырех частей «старого» города на основе фотомонтажа — Себзара, Шайхантаура, Бешагача и Кукчи. Наряду с этим представлены фотографии архитектурных сооружений старгородской части Ташкента: медресе Кукельдаш, Шайхантаур, Хазратинимом, Баракхон, мавзолей Кафальшаши и др.

В разделе, посвященном возникновению новгородской части Ташкента, посетителей привлекают материалы, рассказывающие о разработке плана реконструкции Ташкента и проектировании новой его части, возведении ряда зданий социального, административного и культурного назначения, а также промышленных предприятий.

На выставке впервые представлены и общие виды различных базаров, существовавших в старгородской части Ташкента до революции: Универсальный базар, Ковун базар (по продаже дынь), Мева базар (по продаже фруктов), Мол базар (по продаже скота), Дон базар (по продаже круп).

Кроме этого, посетители могут ознакомиться с различными видами транспорта и отдельных улиц как старгородской, так и новгородской частей города.

Последний раздел выставки посвящен культурной жизни и науке в Ташкенте. Здесь представлены фотопортреты ряда русских ученых (И. В. Мушкетов, А. Н. Федченко, Н. А. Северцев, В. Ф. Ошанин) и местных просветителей, ученых (Мухаммад Салих, Мухаммад Юнус, Ишанходжа Тошканди, Акром Аскарлов и др.), фотоматериалы о народном театре, функционирующем в старгородской части Ташкента.

Обе выставки экспонировались в ряде вузов, промышленных предприятий и учреждений Ташкента, а также в городском обществе «Знание» и оставили у посетителей благоприятные впечатления.

Сотрудники Музея проводят на базе таких выставок большую культурно-массовую работу, мероприятия идейно-воспитательного характера.

Ф. Г. Якубова

МУНДАРИЖА

Н. Н. Қим. Фанда хўжалик ҳисоби.	3
Л. Ш. Собирова. Инсон ва биосферани ўзаро таъсирининг ретроспектив таҳлил ва динамикаси.	9

Мунозарали минбар

Э. А. Алиқулов. Ўзбекистон ССРнинг мулкчилик тўғрисидаги муаммолари.	16
--	----

Илмий ахборот

Э. Г. Кашкет. Жинсий жараёнда вояга етмаган болалар ишлари назорат вакилларининг ништирокини ҳуқуқий бошқариш	24
К. Ж. Туленова. Илмий билиш структурасида келажакни кўришнинг ўрни ва роли.	27
Э. Саъдиев. XIX асрнинг иккинчи ярми ва XX аср бошларида Хива хонлигида ички савдо-сотик.	30
М. Р. Қосимов. Ўрта Осиё ва жанубий Қозоғистон ҳудудда палеолит даврини ўрганиш масалалари ҳақида.	34

Фан янгиликлари: изланишлар, топилмалар, кашфиётлар

Ш. Р. Пидеев. Кўҳна Термиз харобаларидан топилган тош буюм	37
--	----

Манбашунослик

А. Зияев. «Силсилат ас-салотин» тарихий манба сифатида	41
--	----

Юбиляримиз

К. И. Иванова таваллудининг 60 йиллигига.	45
В. М. Бикрицкий таваллудининг 60 йиллигига.	46

Танқид ва тақриз

В. Н. Стасько. М. Мирхамидов. Дониш ваколатхона вакилларининг хабарлари.	47
--	----

Янги китоблар

Г. В. Мачин. Ж. А. Зайченко. Ўзбек қишлоғидаги синфий кураш (1925—1929).	48
--	----

Хроника

Б. А. Ваҳобова. Шарқ археографияси муаммолари бўйича ишчи кенгаши	49
Ф. Г. Еқубова. Ўзбекистон халқлари тарихи музейининг янги кўчма кўргазмалари.	50

СОДЕРЖАНИЕ

Н. Н. Қим. О хозяйственном расчете в науке	3
Л. Ш. Сабирова. Ретроспективный анализ и динамика взаимодействия человека и биосферы	9

Дискуссионная трибуна

Э. А. Аликулов. О собственности в Узбекской ССР	16
---	----

Научные сообщения

Э. Г. Қашкет. Правовое регулирование участия в уголовном процессе представителей инспекций по делам несовершеннолетних	24
К. Ж. Туленова. О роли и месте предвидения в структуре научного познания	27
Э. Сағдиев. Внутренняя торговля в Хивинском ханстве во второй половине XIX — начале XX века	30
М. Р. Қасымов. О проблемах изучения палеолита на территории Средней Азии и Южного Казахстана	34

Новое в науке: поиски, находки, открытия

Ш. Р. Пидзев. Каменная поделка с городища Старого Термеза	37
---	----

Источниковедение

А. Зияев. «Силсилат ас-салатин» как исторический источник	41
---	----

Наши юбиляры

К 60-летию К. И. Ивановой	45
К 60-летию В. М. Бикрицкого	46

Критика и библиография

В. Н. Стасько. М. Мирхамидов. Постпредство уполномочено сообщить...	47
---	----

Новые книги

Г. В. Мачин. Ж. А. Зайченко. Классовая борьба в узбекском кишлаке (1925—1929)	48
---	----

Хроника

Б. А. Вахабова. Рабочее сопешанье по проблемам восточной археографии.	49
Ф. Г. Якубова. Новые передвижные выставки Музея истории народов Узбекистана	50

НАШИ АВТОРЫ

- Аликулов Э. А.**— доктор экономических наук, профессор кафедры политэкономии СамГУ им. А. Навои.
- Касымов М. Р.**— кандидат исторических наук, ст. научный сотрудник Института археологии АН УзССР.
- Пидаев Ш. Р.**— кандидат исторических наук, ст. научный сотрудник Института археологии АН УзССР.
- Туленова К. Ж.**— кандидат философских наук, ст. научный сотрудник ИФП им. И. М. Муминова АН УзССР.
- Зияев А.**— мл. научный сотрудник Института востоковедения им. Абу Райхана Беруни АН УзССР.
- Сагдиев Э.**— мл. научный сотрудник Института истории АН УзССР.
- Кашкет Э. Г.**— мл. советник юстиции, ст. помощник прокурора Ташкентской области.
- Ким Н. Н.**— аспирант Института экономики АН УзССР.
- Сабирова Л. Ш.**— аспирант Института экономики АН УзССР.

Цена 65 к.

Индекс
75349